

НОСИТЕЛИ ЧУЖОЙ ПАМЯТИ

ВЛАД ВЕЛИРСКИЙ

Влад Велирский

Носители чужой памяти

«Автор»

2026

Велирский В.

Носители чужой памяти / В. Велирский — «Автор», 2026

В 2048 году Дом свидетельств хранит память погибших не на серверах, а в живых носителях. Арина Белова умеет вызывать фрагменты слепка картографки Лады Корнеевой и верит, что спасает прошлое затонувшего города. Но назначенная перепрививка должна освободить место для новых свидетельств — ценой собственного детства Арины. Расследуя раннюю программу, она узнаёт, что согласие воспитанников подменяли решениями опекунов, а повторные вызовы стирали соседние личные воспоминания. Теперь Арине предстоит отстоять право остановиться даже тогда, когда вместе с её отказом может исчезнуть последняя карта погибших. «Носители чужой памяти» — психологическая социальная фантастика о достоинстве, близости и цене архива, который учится сохранять свидетельства, не превращая человека в хранилище.

© Велирский В., 2026

© Автор, 2026

Содержание

От автора	5
Глава 1. Запах мокрой извести	6
Глава 2. Дом свидетельств	13
Глава 3. Чашка с трещиной	19
Глава 4. Своя среда	26
Глава 5. Город, которого нет	34
Глава 6. Инга Ревина	42
Глава 7. Белая карточка	49
Конец ознакомительного фрагмента.	53

Влад Велирский

Носители чужой памяти

От автора

Мы привыкли говорить о памяти как о собственности: мои воспоминания, наша семейная история, память города. Но стоит прошлому стать общественно важным, и границы меняются. От свидетеля ждут точности, повторения, готовности снова войти в самый тяжёлый день. Его личный опыт превращается в доказательство, урок или памятник — иногда раньше, чем он успевае́т решить, хочет ли этого.

«Носители чужой памяти» выросли из вопроса о цене такого сохранения. В мире романа человек может удерживать фрагменты чужого опыта не на бумаге и не на экране, а внутри собственных ощущений. Это даёт погибшим ещё один способ быть услышанными. Одновременно живой хранитель рискует превратиться в помещение, доступ к которому общество считает своим правом.

Технология передачи воспоминаний в этой книге полностью вымышлена. Она не пытается предсказать устройство мозга или предложить реальную медицинскую процедуру. Мне важнее её человеческое следствие: что происходит с близостью, работой и чувством собственного прошлого, когда чужая сцена переживается ярче личного утра.

Это история не о победе забвения над памятью. Арина и другие герои не выбирают между добром сохранения и злом уничтожения. Им предстоит найти границу, за которой свидетельство остаётся ценным, но человек перестаёт быть обязанным носить его всегда.

Возможно, бережность начинается не с обещания сохранить всё. Иногда она начинается с вопроса, который можно задать тому, кто ещё здесь: можно ли открыть эту дверь сегодня?

Глава 1. Запах мокрой извести

За семь минут до вызова Арина ещё принадлежала себе.

Она сидела в восстановительной комнате, положив ладони на серую ткань подлокотников, и смотрела, как на стене медленно гаснут круги таймера. Белый — вдох. Голубой — пауза. Снова белый. Дом свидетельств учил носителей дышать не глубже, а точнее: вдох не должен был становиться просьбой о спокойствии, потому что просьба уже меняла тело.

За матовым стеклом собирались зрители. Их голоса доходили мягким гулом, будто зал наполняли водой. Сегодня пришли двадцать семь человек — две семьи из Орши-Пристани, четверо студентов городского училища, комиссия по аттестации и журналистка, которой запретили прямую запись. Обычный публичный вызов. В расписании он занимал сорок минут, включая вводное слово и проверку возвращения.

На внутренней стороне запястья у Арины чернела служебная метка: ЛК-17 / набережная / северный сектор. Она провела по буквам большим пальцем и сразу убрала руку.

— Не гладь, — сказал Савва от двери. — Они решат, что ты нервничаешь.

— Я проверяю, не стёрлась ли.

— Тем более решат.

Он вошёл без халата, в тёмной жилетке поверх форменной рубашки. Старшие носители могли позволить себе одежду, в которой не напоминали больничных служащих. На его пропуске вместо номера слепка стояла золотая полоска за пятнадцать лет вызовов.

Савва поставил на стол бумажный стакан с водой.

— Твоя комиссия уже спорит, где сесть. Ревина посадила их в первый ряд.

— Чтобы видели точность.

— Чтобы ты видела их.

Арина не стала отвечать. Инга Ревина обещала рекомендовать её на самостоятельного куратора, если сегодняшний вызов пройдёт без внешнего ведения. Это означало не повышение жалования — разница была смешной, — а право самой останавливать процедуру и составлять карту показаний. До сих пор рядом всегда сидел старший куратор, и каждое её «достаточно» должно было подтверждаться чужим голосом.

На стене погас последний круг.

— Три факта, — напомнил Савва.

Проверку собственного дня проводили после вызова, но старшие любили начинать заранее.

— Сегодня суббота, — сказала Арина. — Утром я разбила крышку чайника. На обед взяла яблоко и сыр.

— Слишком служебно.

— Крышка чайника — служебный факт?

— Ты записала её в карточку.

— Для этого карточка и нужна.

Савва подвинул стакан ближе, но Арина не выпила. Вода перед вызовом оставляла во рту холод, которого не было в карте Лады.

— Скажи что-нибудь, чего нет на бумаге.

Она поискала. Утро оказалось набором правильных, уже сохранённых вещей: треск фарфора, чай без крышки, очередь у булочной, яблоко в боковом кармане сумки. Между ними ничего не держалось.

— Я злилась на голубей, — наконец сказала она. — Один шёл за мной до самого моста.

— Почему злилась?

— Потому что он шёл, как будто я ему должна.

Савва усмехнулся.

— Вот это оставь себе. Комиссии не отдавай.

Дверь за ним открылась, и координатор показала два пальца. Две минуты.

Арина поднялась. Пол чуть качнулся — не от слепка, просто слишком быстро. Она поправила манжеты и посмотрела в зеркало над умывальником. Тридцать два года, серые глаза, волосы собраны низко, чтобы ни одна прядь не касалась лица во время вызова. За левым ухом виднелся тонкий белёсый след от первого контура. Посетители часто смотрели именно туда, хотя след не имел отношения к памяти. Им требовалось место, через которое чужая жизнь будто бы входила в тело.

— Арина, — позвал Савва уже из коридора.

Она сказала отражению:

— Голубь шёл до моста.

И вышла.

Зал Дома свидетельств был устроен так, чтобы никто не забывал: здесь не театр. Низкий помост без занавеса, два одинаковых кресла для носителя и куратора, стол с предметом-катализатором под прозрачным колпаком. Зрителям запрещалось аплодировать. Свет оставляли ровным, лица не прятали в темноте.

Сегодня кресло куратора пустовало.

Инга Ревина стояла у первого ряда. Высокая, прямая, в светлом костюме без служебных знаков, она разговаривала с женщиной из семейного совета. Увидев Арину, Ревина закончила фразу, подошла и поправила колпак над предметом, хотя тот стоял ровно.

Под пластиком лежал обломок речной рейки — деревянной мерной планки, по которой картографы отмечали подъём воды. Тёмное дерево было иссечено белыми делениями. На торце сохранилась засохшая голубая краска.

— Катализатор прошёл нейтральную обработку, — негромко сказала Ревина. — Запах дерева убран. Работаем по визуальному и моторному каналу.

— Карта вызова семнадцать, — ответила Арина. — От спуска к северному сектору до красной двери насосной станции.

— Не обязательно доходить до двери. Комиссии нужна устойчивость, не глубина.

Это было сказано для неё, но услышали все в первом ряду. Арина увидела серые папки на коленях трёх членов комиссии. Средняя папка уже была раскрыта.

Ревина задержала руку над колпаком.

— Если появится отклонение?

— Называю цвет, температуру, положение тела. Сверяю с картой. При расхождении останавливаю вызов.

— Самостоятельно?

— Самостоятельно.

Ревина улыбнулась едва заметно.

— Тогда начинайте, методист Белова.

Арина села. Отрегулировала высоту кресла так, чтобы ступни полностью касались пола. Координатор закрепила на её пальце датчик пульса и отошла за белую линию. На маленьком экране у края помоста появилось число семьдесят четыре.

В первом ряду женщина из Орши-Пристани держала обеими руками фотографию в плотном конверте. Рядом с ней сидел юноша с той же тяжёлой линией подбородка. Арина знала их фамилию по списку допуска, но заставила себя не вспоминать. Во время вызова нельзя было подбирать лица к погибшим. Слепок охотно заполнял предложенные промежутки, а потом ложную связь почти невозможно было отделить от исходной.

— Мы проводим ограниченный вызов фрагмента Лады Корнеевой, картографа северного сектора Орши-Пристани, — сказала Арина. — Слепок не является полной записью собы-

тия или присутствием человека. Я буду сообщать только устойчивые элементы. Все выводы требуют сопоставления с документами.

Она произносила эти слова сотни раз — за себя, за учеников, на учебных записях. Сегодня фразы казались короче обычного.

Координатор сняла колпак.

Арина посмотрела на голубой торец рейки.

Сначала ничего не произошло. Дерево лежало на чёрной ткани, свет отражался в потёртом лаке. Потом её правая ладонь сама сжалась, будто в ней был не воздух, а другой конец длинной планки.

— Моторный отклик, правая кисть, — сказала она. — Захват прямой. Вес вынесен вперёд.

Число на экране стало восемьдесят один.

Она позволила движению завершиться. Плечо опустилось. Мир не исчез — вызов никогда не заменял зал целиком. Он накладывался на него неровным прозрачным слоем: поверх светлой стены проступила вода, рябая от дождя; под ногами осталось покрытие помоста и одновременно оказались мокрые доски спуска.

— Осадки. Ветер слева, с реки. Вода выше второй ступени.

Край рейки упёрся в ил. Арина чувствовала это не ладонью, а зубами — тупую вязкую тяжесть, которую карта вызова отмечала как «сопротивление донного слоя». На другом берегу мигал оранжевый огонь. Нет, не на другом берегу. На крыше склада, который вода отрезала от улицы.

— Визуальный ориентир: складская сигнальная лампа. Частота нерегулярная.

Кто-то в зале шумно втянул воздух. Арина не повернула головы.

Лада шла вверх по спуску. Чужое колено болело под чашечкой, плащ лип к лопаткам, в левом кармане бился о бедро металлический футляр с карандашами. Арина не называла боль и карандаши: они были в карте, но не относились к сегодняшнему запросу. Удерживать границы означало не только не домысливать, но и не отдавать всё, что пришло.

— Движение на север. Темп быстрый. Опора на правую ногу.

Вода осталась внизу. Между залом и мокрой улицей возникло знакомое раздвоение звука: координатор перевернула лист у стены, а Лада слышала, как по водостоку катятся камешки. В протоколе дальше следовал запах речной тины, затем гари от подстанции. Арина ждала тину.

Пришла мокрая известь.

Запах был сухим и влажным одновременно: холодная стена после дождя, белая пыль в воде, щёлочь на коже. Он вошёл не через нос. Сразу оказался под языком, в складках рукавов, между пальцами ног.

Арина знала все семьдесят два устойчивых признака карты ЛК-17. Извести среди них не было.

Она должна была поднять левую руку.

Вместо этого пальцы сильнее обхватили невидимую рейку.

Склад, спуск и зал провалились. Перед ней оказалась низкая стена, такая белая, что даже пасмурный свет резал глаза. Кто-то маленький сидел на корточках у лужи и размешивал палкой молочную воду. Рукава красной куртки были подвёрнуты неровно. На правой варежке не хватало пуговицы.

Не Лада.

Арина поняла это раньше, чем увидела руки. Картографке было сорок шесть; её кисти в слепке были широкими, с короткими ногтями и тёмным следом графита на среднем пальце. Сейчас ладони, лежавшие на коленях, были детскими. На левом большом пальце блестела зелёная полоска от фломастера.

За стеной женщина позвала:

— Рина, не трогай раствор.

Имя прозвучало негромко, почти буднично. Так не звали Ладу Корнееву.

Пульс на экране перескочил за сто.

— Носитель, обозначьте состояние, — сказала координатор.

Белая стена дрогнула. Девочка у лужи подняла лицо, но Арина не позволила ему стать чётким. Она смотрела на варежку без пуговицы и знала, что сейчас женщина подойдёт сзади, возьмёт её — Арину? девочку? — под мышки и поставит на сухую дорожку. Знала вес этого подъёма, шероховатость рукава у щеки, запах мыла от ладони.

Никакой сцены с ребёнком в карте Лады не было.

Если она поднимет руку, комиссия зафиксирует незарегистрированный материал. Аттестацию отложат. Слепок закроют на сверку, Арину выведут из публичных вызовов, а карту передадут другому носителю. В лучшем случае на месяц. В худшем — признают смешение автобиографических слоёв, и тогда самостоятельное кураторство закончится раньше, чем началось.

— Температура ниже исходной, — сказала Арина.

Это было правдой. Холод от лужи прошёл сквозь подошвы.

— Положение тела?

Она разогнула спину. Детские колени исчезли. Варежка ещё миг держалась у края зрения.

— Вертикальное. Движение продолжается на север.

Число стало девяносто шесть.

Координатор ждала. Ревина не вмешивалась.

Арина нашла в памяти карты следующий разрешённый ориентир — вывеску лодочной мастерской — и произнесла его раньше, чем увидела:

— Справа тёмная вывеска. Нижний край сорван.

Слепок послушно подал вывеску. Сначала как слово, затем как зрительный обломок над дверью. Арина шагнула в неё, будто на камень посреди быстрой воды. Вернулась тяжесть футляра в кармане, боль в чужом колене, дождь за воротником. Запах извести отступил, но не исчез. Он остался под всем остальным тонкой белой линией.

В зале кто-то кашлянул.

Дальше карта шла ровно. Лада миновала мастерскую, обошла опрокинутую тележку, увидела на окне второго этажа три полоски синей бумаги — знак, что жильцы ушли на верхний сборный пункт. Арина называла детали, сверяясь не с ощущением, а с внутренней последовательностью протокола. Ей казалось, что она читает вслух текст, стоя над провалом.

У поворота к насосной станции снова показалась белая стена.

На этот раз без девочки. Только в извести был продавлен отпечаток маленькой ладони.

Арина сказала:

— Красная дверь в двадцати шагах.

Она ещё не видела двери.

— Достаточно, — произнесла Ревина.

Слово пришло из зала и разрезало оба слоя.

Арина раскрыла правую ладонь. Координатор накрыла рейку колпаком, затем встала между предметом и креслом. По правилам нужно было назвать пять вещей настоящего времени.

— Серый пол, — сказала Арина. — Белая линия. Стекланный колпак. Ваш синий браслет. Папка на первом кресле.

— Место?

— Вельск-на-Озере. Дом свидетельств, зал два.

— Дата?

Она назвала дату без запинки.

— Собственное последнее действие до входа?

В голове возникла варезка без пуговицы. Потом — вода в бумажном стакане, отражение в зеркале, Саввина жилетка.

Голубь.

— Я спорила с Саввой о карточках собственного дня.

Это тоже было правдой. Но не последним действием.

Координатор посмотрела на экран и кивнула. Пульс опускался.

В зале задвигались только после того, как Арина сняла датчик. Женщина из семейного совета встала первой.

— Вы дошли до насосной? — спросила она. — Лада видела, была ли дверь открыта?

— Сегодняшняя карта ограничена подходом к станции, — ответила Арина.

— Но вы сказали про дверь.

— Это устойчивый завершающий ориентир.

Женщина прижала конверт к груди.

— Мой брат был в расчётной группе. Нам сказали, они могли выйти через станцию.

Арина знала продолжение ЛК-17. Красная дверь была закрыта. За ней кто-то трижды ударил металлическим предметом, потом вода сорвала наружную лестницу, и Лада ушла, потому что должна была нести карту высот к северному пункту. На семейных слушаниях эти удары разбирали по секундам, пытаясь определить число людей внутри.

Сегодня они не входили в разрешённый фрагмент.

— Для ответа нужен отдельный запрос и сопоставление с журналом станции, — сказала Арина. — Один слепок не подтвердит маршрут вашего брата.

Юноша рядом с женщиной опустил глаза. Та хотела спросить ещё, но Ревина подошла к ней и заговорила о записи на закрытый просмотр. Мягко, без обещаний. Она умела не отнимать надежду сразу, а выдавать её малыми дозами вместе с правильными формами.

Члены комиссии не вставали. Женщина с раскрытой папкой сделала последнюю пометку.

— Методист Белова, — позвала она. — Задержка после отметки «водосток» составила одиннадцать секунд. Причина?

У Арины во рту снова появилась извесь.

— Смена ведущего канала. Моторный отклик ослаб, визуальный не сформировался. Я использовала температурную проверку.

— Вы рассматривали остановку?

— Расхождения с картой не было.

Первое настоящее враньё прозвучало удивительно буднично. Ни голос, ни пульс не выдали его — датчик уже лежал на столике.

Комиссия переглянулась. Средняя папка закрылась.

— Благодарю.

Савва ждал в коридоре у восстановительной комнаты. Он не спросил, как прошло. Взял у Арины пропуск, приложил к замку и открыл дверь, словно после вызова она могла забыть даже это движение.

На столе стояли три карточки: зелёная, жёлтая и белая. Зелёная означала полный возврат, жёлтая — наблюдение до конца смены, белая — сверку слоёв. Арина села напротив Саввы.

— Собственные факты, — сказал он.

— Суббота. Разбитая крышка чайника. Яблоко и сыр.

— Неплохо для покойной картографки. А четвёртый?

— Ты просил три.

— До вызова я просил что-нибудь не с бумаги.

Арина посмотрела на его руки. На мизинце правой была светлая вмятина от кольца, хотя кольца он не носил уже несколько лет. Она вдруг подумала, что не знает, собственное ли это знание или Савва рассказывал историю всем ученикам.

— Голубь шёл за мной до моста, — сказала она.

— И ты злилась, потому что была ему должна.

— Потому что он так думал.

— Значит, вернулась.

Он положил перед ней зелёную карточку, но не отпустил сразу.

— Что было между водостоком и вывеской?

Арина подняла глаза.

— Пауза переключения.

— Я видел паузы переключения. В них человек ищет дверь. Ты от чего-то закрывала дверь.

— Комиссия решила иначе.

— Комиссия сидела далеко.

— В первом ряду.

— Это и есть далеко.

Он убрал руку. Зелёная карточка осталась у Арины.

Можно было сказать ему сейчас. Старший носитель имел право оформить внутреннее наблюдение без немедленной приостановки допуска. Савва умел отличать случайный телесный шум от смещения, а ещё умел молчать, когда молчание не причиняло вреда.

Но белая стена пришла не одна. Вместе с ней пришло имя, укороченное до домашнего: Рина. И уверенность в руках женщины, подхватившей ребёнка с мокрой дорожки. У Арины не было такого воспоминания о матери. В её личной карте до одиннадцати лет значились только шесть устойчивых эпизодов, и ни в одном мать не касалась её так легко.

Если сцена принадлежала Ладе, она была незарегистрированной.

Если принадлежала Арине, она не должна была появиться внутри вызова Лады.

Оба ответа вели к белой карточке.

— Ничего не было, — сказала она.

Савва откинулся на спинку стула.

— Тогда запиши это точно.

— Что записать?

— Что ничего не было. Такие вещи особенно легко забываются.

Он встал и вышел, оставив дверь открытой.

На стене снова зажглись круги дыхания. Белый — вдох. Голубой — пауза. Арина взяла электронное перо и вызвала форму отчёта. Строка «Отклонения от карты» мигала пустым полем.

Она вписала: «Не выявлены».

Ниже система предложила подтвердить три личных факта. Арина перенесла субботу, крышку и обед из утренней карточки. Палец завис над кнопкой.

За матовым стеклом прошла уборщица с жёлтым ведром. От воды пахло обычным средством для пола — лимоном и чем-то мыльным. Арина ждала известь, но запах не повторился.

Она открыла личную заметку, не связанную с Домом, и написала четыре слова:

«Красная варёжка. Нет пуговицы».

Подумала и добавила:

«Женщина сказала: Рина».

Сохранять заметку было опаснее, чем оставить отклонение только в памяти. Любая запись превращала случайность в улику. Любая улика могла лишить её аттестации.

Из коридора донёлся голос Ревинной. Она благодарила комиссию и назначала время итоговой беседы.

Арина нажала «сохранить», затем вернулась в служебную форму и подтвердила отсутствие отклонений.

Зелёная карточка на столе означала, что она вернулась к себе.

Впервые Арина не была уверена, кто именно это подтвердил.

Глава 2. Дом свидетельств

К девяти утра Дом свидетельств пах хлебом, шерстью и озоном от старого подъёмника.

Запахи здесь распределяли так же строго, как ключи. В восточном крыле разрешались только нейтральное мыло и горячая вода. В северном, где хранили предметы-катализаторы, вентиляция работала на отдельном контуре. Столовую вынесли под стеклянную крышу внутреннего двора: прежде чем вернуться к работе, сотрудники проходили по продуваемой галерее, чтобы не принести на одежде кофе, корицу или жареный лук.

Но утренний хлеб всё равно проникал повсюду. Пекарня находилась через дорогу, и в ясные дни тёплый воздух пересекал площадь быстрее, чем его успевали задержать фильтры.

Арина остановилась у входа, ожидая известь.

Пришёл только хлеб.

Она приложила пропуск к считывателю. На экране вспыхнуло: «Допуск временно сохранён. Итоговая беседа — 15:40, кабинет 4». Вчерашний вызов комиссия ещё не закрыла, поэтому рядом с именем горел жёлтый ободок.

— Поздравлять после четырёх? — спросила дежурная Оксана.

— После пяти. В четыре они только решат, за что не поздравлять.

Оксана подала ей утреннюю карточку собственного дня. Плотный лист был разделён на три поля: событие, ощущение, связь. Большинство сотрудников заполняли его на ходу, пользуясь вчерашними формулами. Арина видела сотни записей: «встал по будильнику — сонливость — мой дом», «чай с лимоном — тепло — моя привычка». Формально этого хватало. На практике слишком правильный факт легко превращался в пустую бирку.

Она написала: «На площади мальчик уронил красный шарф». В поле ощущения: «Хотела окликнуть, но он заметил сам». В поле связи задержалась, потом вывела: «Я не люблю бежать вслед людям».

Красный цвет заставил вспомнить варёжку. Арина перевернула карточку, хотя чернила ещё не высохли.

Первым пунктом расписания стояла учебная группа. Пятеро молодых носителей ждали её в комнате четыре-б, каждый за отдельным столом. Все были старше двадцати одного года — после пересмотра правил кандидатов не допускали к закреплению раньше совершеннолетия, а последние три года возраст поднимали ещё выше. И всё же в первый месяц они сидели одинаково: прямо, осторожно, будто любая расслабленная поза могла выпустить чужую сцену.

На доске Арина написала три слова: «ПРИШЛО», «УЗНАЛ», «ВЫВЕЛ».

— В отчёте нельзя смешивать уровни, — сказала она. — «Пришёл запах дыма» — это ощущение. «Я узнал пожар на складе» — сопоставление. «Поджог устроил сторож» — вывод. Даже если вывод кажется очевидным, он не становится частью слепка.

— А если носитель уверен? — спросила Лера с первого стола.

— Уверенность тоже ощущение.

— Тогда вообще ничего нельзя доказать.

— Одним вызовом — почти ничего. Поэтому у нас Дом свидетельств, а не Дом истины.

С заднего стола хмыкнул Тимур. На прошлой неделе он назвал в учебном отчёте марку автобуса, увидев только жёлтую дверь и поручень. Ошибка была мелкой, но Арина заставила его трижды переписать карту.

Сегодня на столах лежали безопасные учебные предметы: пуговица, деревянное кольцо, кусок зелёной ленты. Катализаторы не относились к закреплённым слепкам учеников. Задача состояла в том, чтобы заметить собственные ассоциации и не выдать их за вызов.

— Закройте глаза, — сказала Арина. — Возьмите предмет. Первые десять секунд ничего не называйте.

Зашуршала ткань. Кто-то уронил пуговицу.

Арина шла между столами и следила за руками. Лера тёрла ленту между пальцами; Тимур держал деревянное кольцо на ладони. У окна Миша сжал пуговицу так сильно, что побелели костяшки.

— Ослабь хват, — сказала Арина.

— Она от пальто.

— Какая она?

— Тяжёлая. Холодная. С двумя отверстиями.

— Это пришло. Что ты узнал?

— Что она от пальто.

— По каким признакам?

Миша открыл глаза. На ладони лежала большая перламутровая пуговица.

— У бабушки была такая.

— Тогда ты узнал бабушкино пальто, а не происхождение этой пуговицы.

Он помолчал и разжал пальцы.

— Разница кажется издевательством.

— До первого семейного слушания. Там она станет разницей между памятью и обвинением.

Произнеся это, Арина увидела собственный отчёт: «Отклонения не выявлены». Она прошла к доске и подчеркнула слово «ПРИШЛО» сильнее, чем требовалось. Мел сломался.

После занятия ученики отнесли карточки в ящик проверки. Лера задержалась.

— Методист Белова, можно личный вопрос?

— Можно задать.

— После закрепления вы сразу понимали, где вы, а где Корнеева?

Арина собирала обломки мела в ладонь.

— Сразу после закрепления я вообще ничего не понимала. Потом научилась различать повторяющиеся признаки.

— Но теперь всегда понимаете?

Сказать «нет» означало напугать ученицу. Сказать «да» — повторить вчерашнюю ложь уже без комиссии.

— Теперь я знаю, что делать, когда не понимаю.

Лера приняла ответ за ободрение и ушла. Арина выбросила мел, вымыла руки нейтральным мылом и проверила: запаха извести не было.

Дом занимал бывшее здание водной управы. От прежнего назначения остались широкие лестницы, мозаика с речными рыбами и таблички уровней паводка на колоннах. После создания живых фондов внутренние стены перестроили, но не до конца. Восстановительные комнаты соседствовали с кабинетами юристов, архивные лифты скрипели за залами публичных вызовов, а в центральной ротонде семьи всё ещё спорили с регистраторами под изображением серебряного осетра.

Арина любила Дом именно за несоответствия. Они мешали учреждению выглядеть всемогущим.

До обеда она проверила девять учебных карт, вернула три, согласовала безопасный маршрут для носителя с вестибулярным сбоем и заменила в расписании лимонный катализатор на высушенную корку из того же набора. В половине первого Савва не явился на общую проверку.

Она нашла его в комнате собственных дней.

Здесь не было датчиков и стеклянных колпаков. Вдоль стен стояли выдвижные шкафы, а в каждом — бумажные карточки носителей. Бумагу ввели после сбоя восемь лет назад, когда

система связала несколько чужих сцен с неверными личными датами. Теперь цифровую копию считали удобной, а бумажную — настоящей.

Савва сидел на полу перед нижним ящиком и перебирал карточки.

— Потерял неделю? — спросила Арина.

— Носок.

— Здесь?

— Я снял ботинок, потому что камешек. Носок оказался с дыркой. Хочу выяснить, когда я решил, что это допустимо.

Он поднял карточку, прочитал и поставил обратно.

— Тебя ждут в столовой.

— Пусть едят. Ты получила зелёную?

— Временный жёлтый допуск до беседы.

— Я не про экран.

Арина присела рядом. На карточках Саввы были цветные боковые метки: синие — дни семьи, серые — работа, зелёные — события, которые он никому не объяснял. У неё зелёных почти не было.

— Получила, — сказала она.

— И что с ней сделала?

— Оставила в комнате.

— Правильно. Зелёные карточки успокаивают начальство, не носителей.

Он нашёл нужный лист и рассмеялся.

— Вот. Купил три пары в феврале. Значит, дырка моя.

— А могла быть чужая?

— Мой слепок терпеть не может шерсть. Если бы носок был его, я бы снял оба.

Савва говорил о своём слепке как о соседе, который шумит за стеной: без почтения, но и без ненависти. Арина завидовала этой простоте.

— Вчера ты сказал записать, что ничего не было.

— Сказал.

— Это угроза?

— Совет по архивному делу. Пустые места тоже меняют форму, если на них долго смотреть.

Он закрыл ящик и поднялся, придерживаясь за ручку шкафа.

— Ревина собрала общий зал на три часа. До твоей комиссии.

— В календаре нет.

— Поэтому я и сижу здесь. Когда начальство ставит собрание без темы, полезно заранее убедиться, что дырявый носок — твоя самая большая проблема.

В три часа в ротонде не хватило стульев. Пришли носители с обоих смен, кураторы, координаторы, специалисты восстановления и двое архивных юристов. Сотрудники северного крыла остались в серых защитных накидках — их вызвали прямо из хранилища.

Ревина встала на нижней ступени лестницы. За её спиной серебряный осётр плыл по стене сквозь золотые волны.

— Через шесть недель исполняется двадцать лет со дня катастрофы в Орше-Пристани, — начала она. — Территориальный совет утвердил программу свидетельств. Мы получим дополнительные часы залов и временный штат координаторов.

Кто-то рядом с Ариной тихо выдохнул. Дополнительный штат звучал как хорошая новость только до тех пор, пока не становилось ясно, зачем он нужен.

На стене развернулась таблица. В левом столбце стояло обычное недельное расписание. В правом — юбилейное. Арина нашла свою фамилию: вместо двух публичных вызовов и одного

исследовательского — четыре публичных, два закрытых семейных, один учебный. Семь за неделю.

— Это черновик? — спросил куратор с верхнего ряда.

— Утверждённый минимум, — ответила Ревина. — Мы распределили нагрузку по показателям восстановления. Глубокие карты не будут повторяться чаще одного раза в десять дней.

— А неглубокие считаются бесплатными? — громко спросила женщина из северного крыла.

— Ни один вызов не считается бесплатным, Тамара. Для юбилейного цикла предусмотрены дополнительные дни восстановления.

— После цикла?

— По индивидуальным картам риска.

Заговорили сразу несколько человек. Ревина не повышала голос, просто ждала. Арина смотрела на числа напротив своей фамилии. Семь вызовов означали семь проверок собственных фактов, семь дорог обратно по заранее расставленным словам. И семь возможностей снова почувствовать мокрую извести.

Или доказать, что вчерашняя сцена была случайным шумом.

— Носители с незакрытыми отклонениями в цикл не входят, — сказала Ревина, когда гул стих. — Все карты пересмотрены службой безопасности.

Эта фраза была адресована залу, но Арина услышала её отдельно. Если бы она подняла руку вчера, её фамилии в правом столбце не было бы.

Савва стоял у соседней колонны, скрестив руки. У него вместо семи вызовов значилось восемь.

— Предусмотрен отказ? — спросил он.

— От отдельных публичных показов — по действующему порядку.

— Я спросил про цикл.

— Договор хранения предусматривает доступность закреплённого материала. Мы не можем отменить программу в год, когда семьи приезжают со всей Территории.

— Значит, не предусмотрен.

Ревина посмотрела на него без раздражения.

— Предусмотрена медицинская коррекция нагрузки. Формы будут у координаторов после собрания.

Савва кивнул, будто получил именно тот ответ, которого ждал. Арина знала эту его манеру: не спорить после того, как человек достаточно ясно показал границу.

На экране сменился слайд. «Юбилейный цикл: возвращение голосов». Под заголовком появилась фотография Орши-Пристани до воды — светлые дома у набережной, лодки, башня речного вокзала.

— Мы не обязаны любить повышенную нагрузку, — сказала Ревина. — Но обязаны помнить, почему она возникает. Для многих семей это последняя круглая дата, к которой смогут приехать родители погибших. Некоторые свидетельства существуют только в живых фондах. Если мы не проведём их сейчас, через пять или десять лет часть карт может стать недоступной.

Зал притих.

Это была сильная сторона Ревиной: она никогда не притворялась, будто учреждение служит абстрактному будущему. У каждого дополнительного вызова находился человек с фотографией в конверте. Отказ приходилось произносить не расписанию, а ему.

После собрания сотрудники выстроились за формами коррекции. Савва ушёл, ничего не взяв. Арина осталась у экрана и сфотографировала свою строку на служебный планшет.

— Белова, вас ждут, — напомнила Оксана.

Было без десяти четыре.

Комиссия разместилась в кабинете четыре за длинным столом. Ревина сидела сбоку, не среди членов, и листала вчерашнюю карту. На столе стоял графин с водой и тарелка сухого печенья. Никаких запахов.

Председательница открыла среднюю серую папку.

— Методист Белова, вызов признан устойчивым. Разрыв после водостока отмечен как допустимая смена канала. Возврат полный, расхождений в контрольных фактах нет.

Арина ждала продолжения.

— Комиссия рекомендует допустить вас к самостоятельному кураторству по картам первого и второго уровня глубины сроком на шесть месяцев.

Первым чувством оказалось облегчение. Оно поднялось к горлу быстро и почти радостно. Арина позволила себе вдохнуть.

Потом увидела на столе юбилейное расписание.

— Третий уровень? — спросила она.

— После повторной оценки, — сказала Ревина. — В юбилейном цикле вы сможете вести собственные вызовы первого и второго уровня без старшего куратора. Это серьёзное доверие.

И серьёзная экономия одного сотрудника на каждый показ.

— Я смогу останавливать их сама?

— В пределах карты, — ответила председательница. — При признаках отклонения координатор сохраняет право вмешаться.

Ревина закрыла лист.

— Вы хорошо провели сложную паузу. Не стали форсировать образ и вернулись через устойчивый ориентир.

Похвала легла точно поверх лжи.

— Спасибо.

— Есть вопрос к комиссии?

Арина могла спросить, считается ли запах без источника отклонением. Могла описать стену, варежку, женский голос, не называя себя. Теперь, когда решение было принято, признание выглядело бы не страхом провала, а сознательным сокрытием.

— Юбилейная нагрузка обязательна для нового допуска? — спросила она.

Члены комиссии посмотрели на Ревину.

— Допуск и нагрузка юридически не связаны, — сказала та. — Практически нам понадобятся все самостоятельные кураторы.

— Семь вызовов в неделю.

— Два из них короткие.

— Короткий вызов тоже укрепляет карту.

— Поэтому мы увеличили восстановительные окна. Арина, программу составляли не против носителей. Мы пытаемся провести её так, чтобы через год здесь ещё было кому работать.

В её голосе не было угрозы. Только усталость человека, который много раз складывал несовместимые требования и каждый раз получал остаток.

Председательница подвинула к Арине электронный лист допуска.

— Подтвердите получение решения.

Подпись не означала согласия на юбилейный цикл. Мелкая строка внизу сообщала именно это. Арина прочитала её дважды и поставила палец в зелёный квадрат.

На выходе Ревина догнала её у мозаики.

— Вы хотели спросить что-то ещё.

— О нагрузке спросила.

— Нет. До неё.

Арина посмотрела на серебряных рыб под ногами. Между плитками потемнели швы; после дождя старая стена здания набирала влагу, и ремонтники каждый год белили цоколь заново.

— При смене канала запах может возникнуть раньше визуального образа? — спросила она.

— Конечно. Обонятельный отклик быстрее связывается с телесной реакцией.

— Даже если его нет в карте?

Ревина ответила не сразу.

— Если запах неустойчив и не ведёт к сцене, его отмечают как шум. Если ведёт — как отклонение. У вас был запах?

Теперь вопрос стоял между ними без комиссии и датчика.

Из столовой донеслась кофейная горечь: кто-то открыл дверь раньше конца продувки. Арина различила её ясно и отдельно. Ни извести, ни белой стены.

— Нет, — сказала она. — Я объясняю ученикам смену каналов. Хотела уточнить формулировку.

Ревина посмотрела на неё чуть дольше обычного, потом кивнула.

— Хорошая формулировка важна. Особенно теперь, когда вы подписываете карты сами.

Она ушла к лестнице.

В комнате собственных дней Арина нашла свой ящик. Карточек было меньше, чем у Саввы, но больше тысячи: утро, еда, дорога, редкие ссоры, погода, вещи, которые она боялась потерять и потому превращала в строки.

Она поставила сегодняшнюю карточку между пятницей и пустым воскресеньем. Красный шарф. Мальчик заметил сам. Я не люблю бежать вслед людям.

Потом достала вчерашнюю.

«Голубь шёл до моста» было написано на обороте мелко, уже после вызова. Арина добавила рядом: «Аттестация пройдена».

Семь вызовов в неделю означали, что карточек понадобится больше. Она взяла из общей стопки десяток чистых, подумала и взяла ещё десять.

В коридоре координаторы прикрепляли к доске новое расписание. Люди подходили, искали свои фамилии и молча считали. Дом свидетельств продолжал обычный вечер: в восстановительной комнате зажигались круги дыхания, архивный подъёмник гудел между этажами, из пекарни через площадь тянуло остывающим хлебом.

Арина стояла перед своей строкой с чистыми карточками в руках.

Вчера она солгала, чтобы получить право самой закрывать дверь.

Сегодня выяснилось, что к двери уже составили расписание.

Глава 3. Чашка с трещиной

Матвей пришёл за двенадцать минут до конца смены, когда Арина уже сняла служебный браслет и раскладывала чистые карточки по ящикам завтрашних вызовов.

Он не постучал. Просунул голову в дверь, оглядел комнату и только потом вошёл, прижимая к груди серый переносной короб.

— У тебя здесь кто-нибудь остаётся на ночь?

— Обычно только я, — сказала Арина. — Но я ухожу.

— Тогда у меня хорошая новость. На ночь оставаться не придётся.

Матвей Ратников умел сообщать неприятности так, словно заранее соглашался получить за них по шее. Высокий, сутулый от работы над столом, он всегда держал руки чуть в стороне от одежды. Сегодня на пальцах у него засох белый реставрационный состав, а на манжете была пришита новая пуговица — синяя вместо серой.

Арина посмотрела на короб.

— А плохая?

— Я принёс вещь из закрытого фонда.

Она положила последнюю карточку в ящик.

— Унеси.

— Даже не спросишь какую?

— Если вещь можно показывать мне без запроса, фонд не закрытый. Если нельзя, ты уже знаешь ответ.

Матвей поставил короб на дальний стол, где утром лежали учебные карты. Замки были зелёными, разрешающими внутреннюю перевозку, но поперёк крышки тянулась чёрная полоса хранения. Такие короба не открывали в помещениях с носителями. Даже пустыми.

— Я не собирался показывать, — сказал он. — Собирался спросить про маркировку.

— По телефону спросить нельзя было?

— Тогда бы ты ответила по телефону.

Из коридора донёсся грохот тележки. Уборщица остановилась у двери, увидела чёрную полосу и покатила дальше, не заглядывая. Матвей дождался, пока стихнут колёса.

— В юбилейный набор подняли предметы ЛК-семнадцать, — сказал он тише.

Арина снова почувствовала мокрую известь — не запах, а готовность к нему. Тело успело напрячься раньше, чем она напонила себе: ЛК-17 — номер карты. Просто номер.

— У меня завтра нет вызова Лады.

— Это на закрытый семейный показ в пятницу. Составители запросили предмет, которого нет в рабочем перечне.

— Тогда отклони.

— Я отклонил бы, если бы знал, чей он.

Матвей достал планшет и положил рядом с коробом. На экране была фотография описи: пятнадцать строк, почти все зачёркнуты серым. Открытой оставалась последняя.

Чашка керамическая, светлая, трещина от венчика к ручке. Происхождение: бытовой контекст ЛК-17. Передача: ранняя лаборатория, партия ТС-4.

Ни адреса, ни имени владельца, ни даты изъятия.

— «Бытовой контекст» не означает личную вещь, — сказала Арина. — Её могли пододать для вызова.

— Поэтому я здесь. В карте катализаторов её нет. В семейной описи Корнеевых тоже нет. Но на коробе стоит допуск к прямому предъявлению.

— Кто подписал?

Матвей увеличил нижний угол. Подпись была старая, перенесённая с бумажного листа: две буквы и размашистая петля. Арина не узнала её.

— Куратор первой лаборатории, — сказал он. — Мой отец.

Между ними возникла тишина, которую обычно заполнял сам Матвей: жалобой на крепёж, историей о разбитом стекле, вопросом, почему в столовой снова варят свёклу до состояния краски. Теперь он молчал.

О его отце Арина знала немного. Работал с катализаторами, умер четыре года назад, оставил мастерскую, где Матвей до сих пор ничего не переставил. В Доме фамилию Ратникова-старшего произносили без осуждения, но с той осторожностью, какую сохраняют для людей ранней программы: слишком многое делалось впервые, слишком многое потом запретили.

— Что ты хочешь от меня? — спросила она.

— Вспомни, была ли чашка в разрешённых сценах Лады. Не вызывай. Просто по рабочей памяти.

Арина посмотрела на строчку ещё раз.

Светлая. Трещина от венчика к ручке.

В карте насосной станции была металлическая кружка с чёрным ободком. В сцене у речного вокзала Лада держала бумажный стакан, слишком горячий, и переставляла его из руки в руку. В бытовом фрагменте с картами на кухне стояла чашка — белая или кремовая, с узкой синей каёмкой. Арина не могла вспомнить трещину. Но знала, как палец ложится в неё, если провести по краю слева направо.

Она убрала руку с планшета.

— Возможно, на кухне.

— Какая ручка?

— Обычная.

— Арина.

— Не устраивай мне проверку.

Матвей поднял ладони, показывая белые следы состава.

— Не устраиваю. В описи нет цвета каёмки. Я не открывал короб. Если ты помнишь каёмку из утверждённой карты, это одно. Если отсюда — другое.

— Синяя, — сказала она. — Узкая. Местами стёртая.

— В утверждённой карте её нет.

Он произнёс это без торжества. Оттого слова прозвучали хуже.

Арина подошла к окну. На площади сворачивали хлебный лоток. Продавщица вытряхивала крошки из полотняной корзины, голуби теснились у её ног. Один был с белым хвостом. Не тот, вчерашний был весь серый. Это Арина знала точно, потому что записала.

— Ты принёс закрытый предмет носителю, чтобы доказать утечку из короба?

— Я принёс закрытый короб методисту, чтобы она помогла исправить допуск до пятницы.

— И случайно назвал номер моего слепка.

— Не случайно.

Она обернулась.

Матвей стоял, опираясь пальцами о стол. Улыбки не было. За последние два года они часто оставались вдвоём: пили чай на погрузочной лестнице, спорили о том, можно ли считать запах вещи её частью, однажды ездили через полгорода за старым типом оконной замазки. Матвей знал, когда она возвращается после трудного вызова, и приносил еду, которую не нужно выбирать. Арина знала, что в ноябре он перестает отвечать на звонки в день смерти отца. Они ничего друг другу не обещали, и эта неопределённость долго казалась бережной.

Сейчас она выглядела удобной.

— Что ещё ты знаешь? — спросила Арина.

— Только то, что рассказал.

— Почему вынес короб сегодня?

— Потому что завтра придёт комиссия катализаторов. Они откроют его в лаборатории, сверят реакцию носителя с картой и внесут чашку в юбилейный набор.

— Реакцию какого носителя?

Матвей снова взглянул на неё, и вопрос стал лишним.

— Значит, пятничный показ уже назначен мне.

— В предварительном листе — да.

— А в моём расписании стоит «семейный закрытый», без номера карты.

— У реставраторов номера появились сегодня.

Арина взяла служебный браслет, но не надела. Запрос происхождения занял бы меньше минуты. Она могла провести полосой по замку, открыть карточку предмета и увидеть цепочку перемещений. После этого система отметила бы интерес носителя к собственному катализатору. Ревина получила бы уведомление раньше, чем Арина успела дочитать.

— У тебя есть право исправить маркировку без открытия? — спросила она.

— Есть право поместить в карантин при сомнительном происхождении.

— Помести.

— Нужна причина.

— Нет владельца.

— Для ранних партий это допустимо. Половина фонда записана как найденный контекст.

— Нет связи с картой.

— Подпись куратора считается связью.

— Подпись твоего отца.

Матвей выпрямился.

— Да.

Она пожалела, что сказала это именно так. Но не взяла слова обратно.

— Есть ещё способ, — сказал он. — Временная реставрационная задержка. Трещина нестабильна, глазурь может осыпаться при смене влажности. Я забираю чашку в нейтральную мастерскую, делаю обследование. До понедельника её никто не предъявит.

— Ты уже знаешь, что трещина нестабильна?

— Пока нет.

— Значит, солжёшь.

— Напишу, что требуется проверить стабильность. Это правда для любой трещины.

Арина рассмеялась коротко и без радости.

— Как удобно у нас устроен язык.

— Удобнее, чем расписание.

Он не знал о вчерашнем отклонении. Не знал, что она уже использовала допустимую формулировку, чтобы спрятать сцену. Или знал и оставлял ей возможность не признаться.

— Не надо задерживать, — сказала она.

— Тогда завтра её откроют.

— Пусть.

Матвей застегнул ремень короба.

— Хорошо.

Он всегда делал так: спорил до решения, потом принимал его целиком. От этого Арине стало почти страшно.

Матвей поднял короб. Внутри тихо звякнуло.

Звук был слабым, керамическим, но комната исчезла сразу.

Утро. Жёлтый стол под клетчатой клеёнкой. Чашка стоит у самого края, и трещина темнее от чая. Маленький палец входит в ручку, два остаются снаружи. Если повернуть синюю каёмку к окну, можно увидеть дом с зелёной крышей, нарисованный на боку. Женщина говорит: «Не трогай, Рина, она бабушкина». За окном не площадь Дома свидетельств, а мокрый сад. По стеклу ползёт улитка.

И одновременно — другие руки, длинные, с чернильным пятном у ногтя. Та же чашка придавливает угол карты. Лада сердится на человека за столом: берега нельзя рисовать по уровню спокойной воды. На кухне жарко. Синяя каёмка под большим пальцем шершавая, трещина ещё короткая, только у венчика.

Две сцены легли одна на другую, не смешиваясь. Арина видела обе и знала чашку обеими руками.

Короб опустился на стол.

— Рина?

Матвей редко называл её так. Никогда — в Доме.

Она стояла, вцепившись в край подоконника. Настоящее возвращалось отдельными предметами: серый короб, белые пальцы Матвея, зелёные замки, хлебная корзина за стеклом.

— Не подходи, — сказала она.

Он замер.

— Что вызвать для возврата?

— Ничего. Это не вызов.

— Хорошо. Какой сегодня день?

— Не надо со мной по протоколу.

— Тогда скажи, как пришиваешь пуговицы. Ты всегда ругаешь мою манеру.

Арина посмотрела на его манжету.

— Слишком туго. Ткань собирается.

— А цвет?

— Синий. Потому что серую ты потерял и решил, что никто не заметит.

— Ты заметила.

— Я всегда замечаю.

— Знаю.

Дыхание выровнялось. Матвей не двигался, пока она сама не отпустила подоконник.

— Открой, — сказала Арина.

— Нет.

— Ты принёс её именно для этого.

— Я принёс короб. Ты уже отреагировала на звук.

— Открой.

— Если это внеплановый вызов, я обязан позвать координатора.

— А если не позовёшь?

— Нарушу правила рядом с человеком, которому они иногда нужны.

Она подошла к столу. Между ними оставался короб.

— Я увидела чашку на жёлтой клеёнке, — сказала Арина. — За окном был сад. Женщина назвала меня Риной и сказала, что чашка бабушкина.

Матвей медленно поставил короб на место.

— Это не карта Лады?

— Потом была карта. Чашка прижимала угол. Две сцены одновременно.

— Ты раньше помнила первую?

— Нет.

— Совсем?

— Я не знаю. Может быть, я сейчас её придумала из звука и строки описи.

- Улитку тоже из описи?
- Память умеет придумывать улиток без разрешения.
- Матвей сел на край стола, оставляя руки на виду.
- В карте предметов Тихих Садов были чашки?
- Не знаю.
- Можно проверить.
- Служебный запрос всё свяжет.
- Он понял сразу.
- Ты не хочешь, чтобы Ревина знала.
- Пока не пойму, что произошло.
- Почему?

Арина посмотрела на дверь. В коридоре погасла половина света — Дом переходил в вечерний режим.

Она могла рассказать о мокрой извести. О варёжке, зелёном фломастере и голосе. Могла признаться, что подписала ложный отчёт и второй раз солгала Ревиной у мозаики. Матвей не стал бы немедленно доносить. В этом она была почти уверена. Но любое «почти» теперь имело вес служебной записи.

— Потому что завтра чашку предъявят мне как часть Лады, — сказала она. — Если я заранее сообщу, что узнала её из собственного детства, мне назначат проверочный вызов. Предмет покажут ещё раз, потом ещё. Каждое предъявление укрепит то, что комиссия решит считать правильной сценой.

- А если правильной окажется твоя?
- Тогда они назовут её помехой.

Матвей провёл ногтем по белому пятну на пальце.

— Ты считаешь, ранняя лаборатория могла использовать личную вещь носителя как катализатор чужой карты?

- Я ничего не считаю.
- Это прозвучало как рабочий вывод.
- Это прозвучало как причина не открывать короб.

Он кивнул.

- Ладно. Не открываем.
- И не передаём комиссии.
- Арина.

- Ты предложил задержку.
- До того, как у тебя случилась реакция. Теперь это не только трещина в глазури.
- Именно поэтому.

Матвей встал и прошёлся до шкафа. За стеклом лежали учебные катализаторы: катушка ниток, деревянная ложка, ключ без замка. Вещи, от которых заранее ничего не ждали.

— Если я оформлю реставрацию, — сказал он, — короб уйдёт в мою мастерскую. Камера зафиксирует вскрытие. Я могу обследовать чашку, но не происхождение.

- На дне бывает клеймо.
- Бывает. Оно даст мастерскую и год, не владельца.
- На старых ремонтах оставляли метки.
- Иногда.
- Ты узнаешь работу отца?

Матвей не ответил.

Арина подошла ближе.

- Ты узнаешь?
- Если он укреплял трещину своим составом — возможно.

— Тогда причина для обследования есть.

— А если это его работа?

— Будем знать, что чашка проходила через него до передачи в фонд.

— Мы уже знаем это по подписи.

— Подпись подтверждает короб. Ремонт подтвердит вещь.

Матвей повернулся. В вечернем свете лицо у него выглядело старше; под глазами проступили тени, которых Арина раньше не замечала.

— Ты хочешь найти ошибку моего отца.

— Я хочу найти происхождение чашки.

— Без служебного запроса.

— Да.

— С помощью доступа, который остался у меня из-за его фамилии.

— Нет. С помощью твоей работы.

Он посмотрел на короб, потом на белые следы на своих руках.

— Это очень тонкая разница.

— Для меня сейчас тонких разниц больше нет.

Матвей взял планшет и открыл форму перемещения. Поля загорались одно за другим: состояние упаковки, цель, срок, ответственное лицо. На причине задержался.

— Я напишу: «Обследование старой трещины и проверка следов предыдущей консервации», — сказал он. — Не больше. Это даст сорок восемь часов.

— До пятницы.

— До четверга вечером. Потом либо возвращаем, либо оформляем карантин с уведомлением фонда.

— Достаточно.

— Нет, — сказал Матвей. — Но другого у нас нет.

Он приложил браслет к планшету. Зелёный замок мигнул, чёрная полоса погасла и сменилась оранжевой реставрационной.

Арина почувствовала облегчение, а следом стыд. Вчера она солгала, чтобы сохранить допуск. Сегодня втянула Матвея в нарушение, ещё не названное нарушением только благодаря точности формулировки.

— Если хочешь отказаться, — сказала она, — отмени сейчас.

— Я уже выбрал.

— Из-за меня?

— Из-за чашки без владельца, которую собираются использовать как доказанный катализатор. Ты лишь очень убедительно показала, почему это плохая практика.

— Значит, не из-за меня.

— Тебе обязательно превращать любой ответ в безопасный?

Она хотела возразить, но не нашла формулировки, которая не подтверждала бы его правоту.

Матвей поднял короб. На этот раз держал ровно, обеими руками. Ничего не звякнуло.

— Завтра после семи, — сказал он. — Нейтральная мастерская номер два. Там нет запаховых материалов, дерево закрыто, вентиляция отдельная. Я открою короб как реставратор. Ты придёшь не как носитель.

— Камеры?

— Только над столом. Лицо не снимают. Но твой вход отметится.

— Тогда я не могу прийти.

— Можешь. Мастерская после семи доступна сотрудникам второго уровня. У тебя с сегодняшнего дня самостоятельный допуск.

Повышение уже нашло первое применение, о котором комиссия не думала.

— Я не буду касаться чашки, — сказала Арина.

— Я и не позволю.

— Не предъявляй её мне специально.

— Поставлю за экраном.

— И не называй детали, пока я сама не скажу.

— Запишу состояние отдельно.

Он дошёл до двери.

— Матвей.

— Что?

— Почему ты сначала пришёл ко мне, а не к Ревинной?

Он задумался. Арина видела, как привычная шутка пришла ему в голову и была отвергнута.

— Потому что вещь с неподтверждённым происхождением собирались использовать на тебе. Мне показалось, ты должна узнать раньше системы.

— Это не по правилам.

— Да.

— И не очень похоже на тебя.

— Ты плохо меня знаешь.

Он сказал без обиды, почти мягко, и вышел.

Арина осталась у окна. На площади закрыли хлебный лоток. Голуби разлетелись, кроме одного — белохвостого. Он ходил вокруг пустой корзины и клевал щели между плитками.

Она достала чистую карточку собственного дня.

Сначала написала: «Матвей принёс чашку Лады».

Зачеркнула «Лады».

Написала: «Матвей принёс чашку из фонда ЛК-17».

И это зачеркнула. Если карточку увидит координатор, вопрос о незапланированном контакте возникнет раньше, чем они осмотрят дно.

На третьей строке она написала: «Сегодня у Матвея синяя пуговица на серой манжете».

Факт был маленьким, собственным и проверяемым. Рядом оставалось достаточно места для другого факта — о жёлтой клеёнке, мокром саде и бабушкиной чашке. Арина держала ручку над бумагой, пока погас свет в соседней комнате.

Потом перевернула карточку и на обороте, где Дом не требовал отчёта, записала три слова:

«Улитка ползла вверх».

Она не знала, было ли это её воспоминанием.

Но впервые решила искать ответ не в карте Лады.

Глава 4. Своя среда

По средам Дом проверял, остался ли человек похож на самого себя.

Официально процедура называлась контролем автобиографической устойчивости. Носитель выбирал три факта за последние семь дней, один факт старше десяти лет и одно намерение на ближайшую неделю. Координатор сверял записи с независимыми следами: покупкой, маршрутом, разговором, фотографией, показанием знакомого. Совпадение означало зелёный результат. Ошибка — жёлтый. Неспособность отделить собственный факт от слепка — красный.

В быту все говорили «своя среда», хотя проверку проводили и по четвергам, если человек был на вызове.

Арина пришла в комнату контроля первой. После вчерашней чашки она спала три часа, дважды вставала проверить карточку и утром обнаружила, что слова «Улитка ползла вверх» не стали понятнее.

На столе лежали пять бланков. Координатор Оксана расставляла разделители, каждый другого цвета.

— Ты рано.

— У меня занятие в десять.

— У тебя занятие отменено. Юбилейная переподготовка.

Оксана сказала это, не поднимая глаз. После общего собрания она стала двигаться быстрее, будто удвоенная нагрузка уже шла следом и наступала на пятки.

— В календаре не было.

— Теперь есть. В одиннадцать разбор семейных запросов, в два пробный маршрут, в четыре восстановительная оценка. Своя среда — сейчас.

Арина села. На экране над столом появилась инструкция, которую она могла повторить с любого места:

Записывайте событие, а не вывод. Указывайте доступный независимый след. Не используйте факты, созданные в ходе служебного вызова.

Первый факт был простым: во вторник Матвей пришёл синюю пуговицу к серой манжете.

Независимый след: сам Матвей, запись камеры коридора.

Второй: в понедельник Арина купила красный шарф на рынке у моста.

След: платёж, продавщица, шарф на крючке в её комнате.

Третий: вчера белохвостый голубь остался на площади после закрытия хлебного лотка.

Она задержала ручку над графой подтверждения. Камера площади смотрела на вход, птица могла попасть в нижний угол. Можно было выбрать что-нибудь надёжнее: ужин, дорогу, сообщение от Матвея. Но голубь был её, замеченный без цели и записанный не для системы.

В графе она поставила: «видеозапись площади, 19:08–19:12».

Остался старый факт.

На еженедельных проверках их предлагала программа. Носитель мог отказаться от вопроса один раз в месяц, чтобы случайная боль не превращалась в диагноз. На экране Арины появилась строка:

В детстве мать называла вас домашним именем Рина. Подтвердите один конкретный случай и независимый источник.

Она перечитала.

В комнате загудела вентиляция. Оксана переставляла разделители, не глядя в её сторону.

Домашнее имя стояло в анкете. Арина видела его раньше — наверняка видела. Возможно, сама вносила в память системы после разговора с матерью. Факт не должен был удивлять.

Но конкретный случай пришёл не из её жизни.

Жёлтая клеёнка. Чашка. Улитка на мокром стекле.

«Не трогай, Рина, она бабушкина».

Арина закрыла глаза и попыталась вспомнить мать отдельно от комнаты. Лицо возникло сразу: короткие волосы, родинка у правой брови, привычка снимать часы перед мытьём посуды. Это были опорные сведения из личной карты. Она знала их уверенно.

Голос не возник.

Она представила нынешнюю квартиру матери, зелёный диван и окно на котельную. Представляла, как мать ставит чайник, достаёт две разные кружки, спрашивает, будет ли Арина варенье. Во всех сценах женщина обращалась к ней без имени.

— Можно заменить старый вопрос? — спросила Арина.

Оксана подняла голову.

— Использовала замену две недели назад.

— Тогда был вопрос про школу. Это другой период.

— Ограничение не по периоду.

— Я знаю правило.

— Можешь отметить «не помню». Это не ошибка, если источник подтверждает факт.

— Какой источник указан?

Оксана провела пальцем по своему экрану.

— Анкета первичного поступления и два интервью с матерью. Подтверждение сильное.

— Даты интервью?

— Для текущей проверки не нужны.

— Я методист. Мне нужно понимать качество источника.

— Сейчас ты носитель.

Это не прозвучало грубо. Оксана просто вернула роли на места.

Дверь открылась, вошёл Савва с бумажным стаканом и пакетом сушек.

— Я требую пересмотра процедуры, — объявил он. — Человек до завтрака не имеет устойчивой биографии.

— Ты уже завтракал, — сказала Оксана.

— Тогда процедура доказала, что я умею лгать.

Он сел через два стула от Арины, увидел её экран и перестал улыбаться.

— Старый вопрос? — спросил он.

— Заполняйте свой бланк, Савва Петрович, — сказала Оксана.

— Называй меня просто носитель Мельник. Так гораздо теплее.

Арина нажала «не помню конкретного случая». Система открыла вторую строку:

Укажите независимое подтверждение.

Она могла написать: интервью с матерью. Проверка стала бы зелёной. Но вчерашний голос превратился бы в собственный факт только потому, что совпадал с анкетой. Именно так неопределённая сцена получала печать происхождения.

Арина выбрала: «личный разговор с матерью».

— Телефон в кабине, — сказала Оксана. — Пять минут.

— Сейчас?

— Ты указала разговор.

— Я могу поговорить после смены.

— Результат нужен до юбилейной переподготовки.

Савва тихо хрустнул сушкой.

Телефонная кабина стояла за матовым стеклом. Она не была звукоизолированной полностью: координатор не слышал слов, но программа фиксировала голосовое совпадение, длительность и эмоциональные отклонения. Разговор не записывался. Так утверждал регламент.

Арина набрала номер матери по памяти.

Гудки шли долго. На пятом мать ответила:

— Да?

На заднем плане работало радио. Кто-то перечислял уровни воды в северных притоках.

— Мам, это я.

— Я поняла. Ты почему с рабочего?

— Проверка.

Мать выключила радио.

— Что случилось?

— Ничего. Обычная среда.

— Если обычная, ты после неё не звонишь.

Арина прижала ладонь к прохладному стеклу. За перегородкой Савва показывал Оксане пакет сушек, доказывая, вероятно, собственный утренний факт.

— Ты называла меня Риной? — спросила Арина.

Молчание длилось меньше секунды, но Арина успела его заметить.

— Конечно.

— Когда?

— Всегда, когда ты была маленькая.

— Вспомни один случай.

— Арина, что они опять проверяют?

— Не они. Я.

— В документах всё есть.

— Я спрашиваю не документы.

Мать вздохнула. Послышался стук кружки о стол.

— Ты боялась грозы. Лезла ко мне под одеяло, хотя тебе уже было лет девять. Я говорила: «Рина, молния не войдёт в дом».

Картина появилась слишком готовой: кровать, тёмное окно, белый разрез неба. Арина видела её со стороны двери. Себя не видела.

— Где мы тогда жили?

— Дома.

— В каком доме?

— На Лесной, где же ещё.

До Тихих Садов они жили на Лесной. Так было записано в анкете. Арина помнила двор после дождя, ржавую перекладину, ступеньку подъезда. Квартиру внутри — нет.

— У нас была жёлтая клеёнка в клетку?

Радио снова заговорило, хотя мать к нему не прикасалась. Значит, оно играло у соседей или в другой комнате.

— Какая клеёнка?

— На кухне.

— Возможно. У всех были клеёнки.

— Чашка с синей каёмкой? Треснутая, с домом на боку.

Теперь молчание стало длиннее.

— Откуда ты её помнишь? — спросила мать.

В кабине было тесно. Арина почувствовала запах пластика, пыль в вентиляционной щели, мыло на собственной руке.

— Значит, была?

— Я не сказала, что была.

— Ты спросила, откуда я её помню.

— Потому что ты описываешь вещи, как на работе.

— Мам.

— У меня через десять минут врач.

— Чья это была чашка?

— Не знаю.

— Ты называла её бабушкиной?

— Какой бабушкиной?

— Моей.

— Арина, я выбросила столько посуды после переезда. Ты правда хочешь сейчас разбить чашку тридцатилетней давности?

— Мне тридцать два.

— Я знаю, сколько тебе.

Мать сказала это резко, и в голосе впервые появилось что-то узнаваемое — не воспоминание, а сегодняшняя обида.

— Когда я уехала в Тихие Сады, — спросила Арина, — вещи из квартиры передавали туда?

— Одежду передавали. Книги. Всё по списку.

— Посуду?

— Зачем ребёнку посуда?

— Мне было одиннадцать.

— Поэтому я и говорю: ребёнку.

— Чашку могли забрать для адаптации?

— Я не помню.

Ответ пришёл слишком быстро.

— Ты подписывала передачу бытовых вещей?

— Они объясняли, что знакомая среда помогает привыкнуть.

— Какие вещи?

— Обычные. Твои.

— Чашка была моей?

— Мне пора.

— Мам, пожалуйста.

За стеклом Оксана подняла два пальца: осталось две минуты.

Мать заговорила тише:

— Я отдала тебя туда не потому, что хотела избавиться. У нас тогда закрыли береговой цех, выплаты задерживали. В Садах было обучение, комната, врачи. Ты сама хотела поступить.

Арина не помнила, как хотела.

Помнила буклет с яблоневой веткой. Помнила новую куртку, красную, слишком яркую для ноября. Помнила, что мать плакала на остановке уже после того, как автобус уехал, хотя видеть этого из автобуса Арина не могла.

— Я не спрашивала, почему ты отдала меня.

— Всегда спрашиваешь.

— Я спросила про чашку.

— Значит, не помню.

Связь оборвалась.

На экране кабины появилась отметка: Разговор состоялся. Голос подтверждён. Ни содержание, ни результат система не оценивала. Для зелёного ответа было достаточно, что мать существовала и пять минут говорила с дочерью.

Арина вернулась к столу.

— Подтверждение получено? — спросила Оксана.

— Нет.

Координатор нахмурилась.

— Мать отрицает домашнее имя?

— Имя подтверждает. Конкретный случай — нет.

— Тебе не нужен конкретный случай из того же разговора. Есть два архивных интервью.

— Я хочу указать расхождение.

Оксана развернула к себе экран.

— Какое именно?

Арина посмотрела на Савву. Он держал сушку над строкой намерения и не ел.

Если отметить расхождение, Оксана откроет протокол. Спросит, что вызвало сомнение. Факт о чашке соединится с закрытым коробом, реставрационной задержкой и завтрашним входом в мастерскую. Матвей получит служебный вопрос ещё до обеда.

— Мать не смогла назвать случай, — сказала Арина.

— Это не расхождение. Это отсутствие дополнительной конкретики. Основной факт подтверждён.

Оксана нажала зелёную отметку.

— Подожди.

— Что?

— Я не подтвердила.

— Подтвердила источник. Система фиксирует именно это.

— Но я не помню.

Оксана откинулась на спинку стула.

— Арина, смысл старого факта — не заставить тебя воспроизвести сцену. Мы проверяем, принимаешь ли ты устойчивую часть биографии. Ты можешь не помнить, как училась завязывать шнурки, но это не значит, что тебя никто не учил.

— А если источник ошибается?

— Тогда открывается пересмотр личной карты. Хочешь открыть?

На экране уже горела кнопка. Пересмотр раннего автобиографического факта. Ниже мелко: временное ограничение глубоких вызовов, уведомление руководителя программы, собеседование с ближайшим родственником.

Арина подумала о коробе с оранжевой полосой.

— Нет, — сказала она.

— Тогда результат зелёный.

— Да.

Слово вышло почти без голоса.

Оксана вернула ей экран.

— Осталось намерение.

Арина написала: «В воскресенье поехать к матери». Независимый след — билет.

Она не собиралась ехать. Но намерение отличалось от обещания, и процедура не наказывала за будущее.

Система свела пять пунктов. Четыре зелёных, один серый — намерение ещё не наступило. Итог: устойчива.

— Следующий, — сказала Оксана.

Савва пересел на её место.

— Могу предложить три бесспорных факта, — сказал он. — Я голоден, я против этого стула, и у меня осталось семь сушек.

— Шесть, — сказала Арина.

Он посмотрел в пакет.

— Вот видишь. Без независимого свидетеля человек немедленно теряет себя.

Арина вышла в коридор, но далеко не ушла. Встала у окна между комнатой контроля и архивным лифтом. Площадь была залита белым утренним светом. Хлебный лоток только открывался; голубей ещё не было.

Через десять минут Савва появился рядом.

— Ты сегодня родилась в грозу, — сказал он.

— Что?

— Мой старый вопрос. «В день вашего рождения была гроза». Источник — районная газета и рассказ отца. Я родился в декабре. Газета пишет про метель. Отец всегда путал мой день рождения с днём, когда мы переехали.

— Какой результат?

— Зелёный.

— Ты принял факт?

— Я выбрал газету, Оксана исправила карту. Двенадцать минут, один звонок архивисту и ни одной угрозы моему допуску. Удивительно приятная жизнь у людей, чьи ошибки старше программы.

Он протянул ей сушку. Арина взяла, но не стала есть.

— Вчера Матвей принёс вещь из закрытого фонда, — сказала она.

Савва перестал шуршать пакетом.

— Так.

— Она относится к карте Лады. Возможно.

— Уже хуже.

— Я узнала её как вещь из своего детства.

Савва не спросил, уверена ли она. Не спросил, был ли вызов. Он посмотрел на дверь комнаты контроля.

— Старый вопрос был связан с вещью?

— С голосом матери. Она подтверждает домашнее имя, но не сцену. Про чашку сначала спросила, откуда я её помню, потом сказала, что не знает.

— Может не помнить.

— Может.

— А ты?

— Вижу жёлтую клеёнку. Сад. Улитку. Слышу «Рина». Не знаю, было ли это до вчерашнего звука.

Савва взял у неё нетронутую сушку и вернул в пакет.

— Что записала в среде?

— Что факт подтверждён.

— Тогда зачем тебе я?

— Оксана может открыть пересмотр сама. Она видела, что я сомневалась. Если запросит выгрузку, там будет звонок матери и мой отказ.

— Отказ — не нарушение.

— На фоне вчерашнего отклонения может стать поводом.

— Какого отклонения?

Вот она, дверь, которую Арина два дня удерживала закрытой.

Она рассказала про мокрую известь. Коротко, без оправдания: незарегистрированная сцена во время аттестации, детские руки, красная варежка, женский голос. Рассказала, как заранее назвала вывеску, скрыла разрыв и подписала отчёт. Савва слушал, глядя на площадь.

— Я подумал, ты просто испугалась, — сказал он, когда она закончила.

— Я испугалась.

— Нет. На вызове. Я подумал, увидела что-то неприятное из Лады и решила не отдавать комиссии. Поэтому сказал записать пустое место.

— Ты жалеешь?

— Ещё не решил.

Он постучал пакетом по подоконнику.

— Что ты хочешь подменить?

Арина достала карточку вчерашнего дня. На лицевой стороне была синяя пуговица. На обороте — улитка.

— Если Оксана спросит тебя, говорила ли я раньше, что мать называла меня Риной, скажи, что говорила. До аттестации.

— Говорила?

— Не помню.

— Хорошая основа для свидетельства.

— Савва.

— Нет.

Она ожидала вопросов, упрёка, цены. Простое «нет» оказалось тяжелее.

— Почему?

— Потому что ты просишь сделать с твоей памятью то же, что делает Дом. Выбрать удобную версию, повторить её уверенно и ждать, пока она станет устойчивой.

— Я прошу прикрыть проверку на два дня.

— Тогда проси именно это.

Арина сжала карточку.

— Прикрой проверку на два дня.

— От чего?

— От автоматического пересмотра. Завтра мы с Матвеем осмотрим чашку. Если на ней есть метка ранней лаборатории или связь с моими вещами из Садов, я открою пересмотр сама.

— А если нет?

— Буду искать другой источник.

— А если другой источник скажет, что чашка Лады?

— Не знаю.

Савва кивнул, будто именно этот ответ был условием.

— Я могу задержать сверку, — сказал он. — Не подменить результат. Оксана сегодня в четыре идёт на восстановительную оценку, а я числюсь старшим по бумажным картам. Попрошу её оставить спорные старые факты мне и положу твой лист в ручную проверку до пятницы.

— В системе уже зелёный.

— Бумажный лист ещё не подписан. Без него выгрузка не закрывается.

— Что напишешь причиной?

— «Требуется уточнение формулировки источника». Это правда. Интервью — не один источник, а событие получения сведений. Кто говорил, в каком состоянии, на какой вопрос отвечал — неизвестно.

— Ты только что ругал удобный язык.

— Я ругал удобную ложь. Язык пока невиновен.

Он протянул руку. Арина отдала ему карточку не сразу.

— Улитку Оксана увидит?

— Оборот личный.

— В Доме нет личного оборота.

Савва посмотрел на неё.

— Есть, пока мы его не отдали.

Арина разжала пальцы.

Он убрал карточку во внутренний карман куртки, не в служебную папку.

— До пятницы она у меня, — сказал он. — Если кто-то спросит, лист застрял у старика с дырявым носком.

— Это и есть подмена.

— Это задержка. Не отбирай хлеб у реставратора.

Она впервые за утро улыбнулась.

Савва не улыбнулся в ответ.

— И ещё условие. После мастерской расскажешь мне всё, что нашли. Даже если ничего.

— Хорошо.

— И перестанешь заранее решать, кто выдержит твою правду. Матвей знает про мокрую известь?

— Нет.

— Значит, начни с него.

— Это не относится к чашке.

— Уже относится.

В конце коридора открылись двери лифта. Оксана вышла с охапкой новых расписаний.

Савва отступил от окна и громко спросил:

— Методист Белова, подтверждаете, что у меня было семь сушек?

— Подтверждаю шесть.

— Вот поэтому я подаю на пересмотр собственной среды.

Оксана прошла мимо, не замедлив шага.

— Подавайте после юбилея.

Когда она скрылась за поворотом, Савва тихо сказал:

— Видишь? Система тоже умеет откладывать правду. Нам можно научиться у неё срокам, не обязательно всему остальному.

В одиннадцать Арина сидела на переподготовке и разбирала семейные запросы. Люди просили голоса, жесты, последние слова, запах дома, которого больше не было. Напротив каждого запроса стояла графа «достаточность подтверждения». Для чужого прошлого Дом требовал две независимые опоры. Для её собственного оказалось достаточно зелёной кнопки и материнского «конечно».

Арина открыла расписание и поставила напоминание на завтра, девятнадцать ноль-ноль: нейтральная мастерская номер два.

В описании она написала только: «Пуговица».

Синяя на серой манжете — факт, который пока не требовал ни архива, ни разрешения, чтобы принадлежать ей.

Глава 5. Город, которого нет

Пробный маршрут начинался у цветочной лавки, которой не существовало на карте вызова.

Лавка занимала первый этаж нового дома на Бережной улице. В витрине стояли жёлтые вёдра с поздними астрами, над дверью медленно вращалась зелёная ветка. Семья Ковалёвых выбрала это место потому, что здесь, по словам их бабушки, Лада Корнеева однажды вышла из трамвая перед самым ливнем и успела добежать до управления береговых работ. Семье хотелось восстановить путь: возможно, по дороге Лада говорила о старой насосной станции.

Арина прочитала запрос ещё утром. В нём было слишком много «возможно» и одно совершенно точное желание — услышать, как погибшая женщина смеялась под дождём.

— Смех не картографирован, — сказала она координатору выезда.

Оксана закрепляла на её воротнике датчик остановки.

— Семья предупреждена.

— Они указали его как ожидаемый результат.

— Они указали надежду. В форме есть такая графа.

— Надежда потом превращается в жалобу.

— Тогда напишем, что не подтвердилась.

Оксана потянула крепление, проверяя, не отойдёт ли датчик. На выезд она надела служебную куртку с белыми плечами. Из-за неё казалась шире и спокойнее, хотя с утра уже трижды посмотрела на часы.

— Маршрут пробный, — напомнила она. — Глубина до второго уровня. Три катализатора: запах мокрого камня, трамвайный звонок, фотография управления. Если начинается незаявленная сцена, говоришь сразу.

— Знаю.

— Сегодня мне нужно услышать не «знаю».

Арина посмотрела на неё.

— Сообщу о любом расхождении.

За ограждением ждали четверо Ковалёвых: две сестры лет шестидесяти, их взрослый племянник и девочка в школьной куртке. Девочка держала сложенный прозрачный дождевик. Небо было ясное.

У служебной машины Матвей проверял переносной короб с катализаторами. Он поднял голову, встретился с Ариной взглядом и коснулся синей пуговицы на манжете. Не как тайного знака — просто убедился, что она пришита. Арина всё равно вспомнила назначенное на вечер слово: «Пуговица».

О мокрой извести она ещё не рассказала.

— Семь минут до перекрытия полосы, — сказал Матвей. — Камень увлажнили, звонок проверили без неё. Фотография под непрозрачным листом.

— Астры уберите, — сказала Арина.

— Они магазинные.

— Лада могла знать запах.

Оксана взглянула на витрину.

— Лавку мы не закроем.

Матвей достал из машины высокий складной экран и поставил между витриной и начальной отметкой. Зелёная ветка продолжала вращаться над ним, но цветочный запах отсек ветер с озера.

— Ещё что-нибудь? — спросил он.

Арина хотела сказать: белая стена, детские руки, красная варежка. Вместо этого покачала головой.

Матвей не отвёл взгляда сразу. Потом защёлкнул короб.

Сёстры Ковалёвы подошли знакомиться. Старшая назвалась Тамарой, младшая — Лидией. Они говорили по очереди, но одинаковыми короткими фразами, словно много раз пересказывали семейную историю друг другу и теперь знали места для вдоха.

— Наша мать была двоюродной сестрой Лады.

— Они вместе учились.

— Не вместе. Мама была младше.

— На два года, не считается.

— Лада приезжала к нам в Вельск по работе.

— И всегда привозила лимонные вафли.

— Не всегда.

Девочка в школьной куртке стояла чуть поодаль. Арина спросила, зачем ей дождевик.

— На фотографии дождь, — ответила та.

— Фотографию тебе показывали?

Обе сестры замолчали.

Племянник кашлянул.

— Это семейная копия. Мы думали, так будет точнее.

Оксана закрыла планшет.

— Кто из присутствующих видел маршрутную фотографию?

Видели все.

Пришлось заново объяснять, что семье нельзя подсказывать носителю ни погоду, ни жест, ни направление. Тамара слушала сердито, Лидия — виновато. Девочка свернула дождевик ещё мельче и убрала в рюкзак.

— Но дождь ведь был, — сказала Тамара. — Зачем делать вид, что мы не знаем?

— Вы знаете, — ответила Арина. — Я должна показать, откуда знаю я.

— От Лады.

— Это и проверяют.

Тамара посмотрела на неё с тем разочарованием, которое Арина видела у семей после каждого отказа назвать чужую уверенность доказательством. Для них Лада была человеком, а слепок — тем, что осталось. Для Дома слепок был объектом с условиями воспроизведения. Для Арины сегодня он мог оказаться ещё и дверью в собственную кухню.

Оксана отвела семью за контрольную линию. Матвей раскрыл у бордюра контейнер с тёмным камнем. На его поверхности выступила вода.

— Готова? — спросила Оксана.

Арина назвала собственные опоры.

— Сегодня четверг, двадцать третье сентября. Мне тридцать два. Я нахожусь на Бережной улице в Вельске-на-Озере. Синяя пуговица пришита вчера Матвеем Ратниковым. После вызова я должна вернуться в Дом.

Последняя фраза была обязательной. Она прозвучала как обещание, которое давало за неё здание.

Матвей снял крышку.

Первым пришёл холод в левом ботинке.

Не вода и не изображение воды — уверенность, что подошва опять пропускает у шва. Арина перенесла вес на правую ногу. На ней была сухая служебная обувь, но тело уже выбрало, как идти по лужам.

— Отклик, — сказала она. — Телесный. Левая обувь промокла. Изображения нет.

Оксана отметила время.

Матвей качнул трамвайный звонок. Один негромкий удар рассыпался между домами. Улица стала ниже.

Новые фасады не исчезли, сквозь них не проступили призраки старых зданий. Арина просто перестала им доверять. Проход между цветочной лавкой и аптекой казался временно заставленным двором. Широкий тротуар требовал обойти невидимый угол. Там, где была ровная плитка, тело ожидало ступеньку и само приподняло носок.

— Есть маршрутная реакция, — сказала Арина. — Иду на восток. Ориентир не вижу.

— По карте ЛК-17 управление к северу, — произнесла Оксана.

— Не подсказывай, — сказал Матвей.

Оксана резко взглянула на него, но запись уже шла.

— Это контроль границы, — сказала она. — Носитель движется не к заявленной точке.

Арина сделала ещё два шага. Север был направо, к стеклянной башне управления водными линиями. Она знала это как жительница Вельска и как методист, изучившая схему. Но левое плечо уже повернулось к узкому проезду, где грузчики выгружали ящики с яблоками.

— Лада идёт не к управлению, — сказала она.

У контрольной линии кто-то охнул.

Арина остановилась. Отклик не исчез. Напротив, неподвижность стала неудобной, как если бы она замерла посреди перекрёстка.

— Причина отклонения? — спросила Оксана.

— Не знаю. Пространство переживается иначе. Здесь должен быть проход.

— Здесь есть проход.

— Другой. Уже. С поворотом за стеной.

Матвей достал из бокового кармана короба бумажную схему современной улицы и держал её так, чтобы Арина не видела.

— Можешь отделить знание города от движения? — спросил он.

— Знаю, что к управлению направо. Иду налево.

— Чьё решение?

Вопрос был правильный и потому неприятный.

— Пока не решение. Привычка.

Оксана подняла руку, готовая остановить процедуру.

— Продолжаем до первого поворота, — сказала Арина. — Глубина не растёт. Сцены нет.

— Семейный запрос уже не выполняется.

— Но появился незаявленный маршрут.

Тамара услышала и шагнула к линии.

— Лада ходила здесь к нам. На Сенную.

— Не вмешивайтесь, — сказала Оксана.

— У нас дом был на Сенной.

Лидия потянула сестру назад.

Слово не вызвало картинки. Только левая стопа нашла в плитке шов и поставилась вдоль него, будто шов был краем старого тротуара.

Арина пошла.

Грузчик придержал ящик, пропуская её. За проездом открывался двор нового жилого комплекса: детская площадка, ряд молодых лип, серая трансформаторная будка. Прямо перед Ариной стояла сетчатая ограда. Отклик требовал идти сквозь неё.

Она взялась за холодную проволоку.

— Стена должна продолжаться ещё на пять или шесть шагов, — сказала она. — Потом угол внутрь. За углом дверь. Низкая ручка.

— Что за стеной? — спросила Оксана.

— Двор. Нет. Не двор.

На языке появился вкус тёплой воды из металлического бачка. Арина увидела не помещение, а движение руки: снять со стены плоский футляр, прижать локтем, дважды проверить замок. Рука была взрослая, с узким шрамом у большого пальца. Не её рука.

— Служебный вход, — сказала она. — Кто-то забирает карты.

— Лада?

— Вероятно. Зрительного подтверждения нет.

Тамара снова заговорила за линией:

— Она работала в управлении. Мы же говорили.

Но управление стояло в другой стороне.

Арина закрыла глаза. Вызов не стал яснее. Сетчатая ограда давила на ладонь настоящими ромбами, а чужая привычка искала тяжёлую дверь там, где теперь качались пластиковые качели.

— Нужна старая схема квартала, — сказала она.

— Она не входит в набор, — ответила Оксана.

— У семьи может быть.

— У нас только фотография, — сказала Лидия. — Там сзади карандашом нарисовано.

Оксана велела ей не доставать снимок. Матвей уже смотрел на свой планшет.

— Открытый городской слой есть до тридцать восьмого года, — сказал он. — Раньше нужен архивный допуск.

— Тридцать восьмой покажи себе, — сказала Арина. — Не мне. Совпадает стена?

Матвей увеличил схему. Провёл пальцем по экрану, посмотрел на ограду, затем снова на экран.

— Частично. Здесь был хозяйственный корпус трамвайной службы. Снесён девять лет назад. Стена шла от проезда и поворачивала примерно там, где ты сказала.

Оксана подошла к нему.

— Управление береговых работ арендовало в нём помещения?

— В открытом слое арендаторов нет.

Арина убрала ладонь с сетки. На коже остались красные ромбы.

— Дверь не конечная точка. После неё нужно пройти насквозь.

— Там был закрытый корпус, — сказала Оксана.

— Для Лады — проходной.

Она двинулась вдоль ограды, пока тело не согласилось с направлением. У калитки пришлось назвать сегодняшнюю дату ещё раз. Двор комплекса был открыт, но Оксана записала смену контура и предупредила охранника через выездной канал.

На детской площадке девочка строила из влажного песка стену. Арина отвернулась прежде, чем красная лопатка успела стать vareжкой.

— Незаявленных зрительных сцен нет, — произнесла она громче необходимого.

Матвей услышал. По его лицу она поняла: не поверил или запомнил точность формулировки.

Старая линия вывела их между трансформаторной будкой и торцом дома. Здесь телесная уверенность пропала. Арина остановилась, ожидая привычного головокружения после обрыва, но вместо него пришло раздражение — чужое, деловое, хорошо знакомое по Ладиным рабочим фрагментам. Кто-то поставил фургон поперёк дороги. Нужно обойти, опоздание уже шесть минут.

Фургона не было. Перед ними тянулась улица Сенная, спокойная и узкая. На другой стороне стояли три старых дома, переживших перестройку квартала. Первый был оштукатурен розовым, второй обшит тёмными досками, третий прятался за рябинами.

Арина не выбирала между ними. Тело сразу пошло ко второму.

— Новый отрезок, — сказала Оксана. — Подтверди глубину.

— Первый уровень. Пространственная привычка, срочность. Сценического разворота нет.

— Катализатор далеко.

— Значит, маршрут держится без него.

Это было хуже, чем глубокая сцена. Обычный вызов должен ослабевать с удалением от предмета и звука. Устойчивый телесный рисунок означал либо часто повторявшееся действие, либо контекст, встроенный не как отдельный эпизод, а как способ связывать эпизоды между собой.

Дом номер двенадцать встретил их закрытой калиткой. На воротах висела деревянная табличка: Прохода нет.

Чужое раздражение исчезло. Вместо него возникла осторожность. Арина подняла руку к звонку и остановила пальцы в воздухе. Хотелось не нажать, а провести ладонью под жестяным козырьком справа.

Там ничего не было, только два ржавых винта.

— Здесь раньше оставляли ключ, — сказала она.

— Лада? — спросила Оксана.

— Не знаю.

Матвей смотрел на винты.

— Козырёк заменили. Следы крепления старые.

В окне первого этажа шевельнулась занавеска. Через минуту калитку открыл худой мужчина в домашнем свитере. Ему было около семидесяти. Он увидел белые плечи Оксаниной куртки, датчик на воротнике Арины и сразу посмотрел не на их лица, а на машину Дома у цветочной лавки.

— Публичный вызов проводится за квартал отсюда, — сказал он. — Частная территория в маршрут не входит.

Оксана показала удостоверение.

— Маршрут отклонился. Мы не войдём без согласия. Назовите, пожалуйста, владельца дома.

— Я владелец.

— Имя?

— В удостоверении оно зачем?

Арина всё ещё держала руку возле пустых винтов. Мужчина заметил это и побледнел не резко, а словно цвет медленно ушёл под кожу.

— Ключа там давно нет, — сказал он.

— Я не спрашивала о ключе, — ответила Арина.

Матвей тихо выдохнул.

Мужчина открыл калитку шире, но сам остался в проходе.

— Кто у вас носитель?

— Арина Белова, карта ЛК-17, — сказала Оксана. — Лада Корнеева.

— Я понял.

Он знал обозначение или имя раньше, чем услышал полное объяснение. Арина почувствовала, как маршрут внутри неё закончился. Не оборвался — именно закончился, как привычная дорога у нужной двери.

— Лада приходила сюда? — спросила она.

— Не сюда. Дом тогда принадлежал другим людям.

— Вам?

— Моим родителям.

— Значит, сюда.

Оксана вмешалась:

— Мы не ведём опрос в ходе вызова. Нам нужно зафиксировать совпадение с архивной схемой и вывести носителя.

— Правильно, — быстро сказал мужчина. — Выводите.

Арина посмотрела за его плечо. Во дворе стояла бочка для дождевой воды, под навесом висели связки лука. Обычный дом, в котором осень готовили к зиме. Ни карт, ни лабораторных знаков.

На внутренней стороне калитки виднелась выцветшая наклейка: белый круг, пересечённый четырьмя серыми линиями. Такой знак ставили на ранние футляры, чтобы различать направления сенсорной укладки. Арина видела его в учебном архиве. На частной калитке ему неоткуда было взяться.

— Вы работали в программе живых фондов, — сказала она.

Мужчина прикрыл калитку на ширину ладони.

— Многие работали после Орши.

— Как вас зовут?

— Завершите процедуру.

Оксана положила ладонь Арине на плечо. Датчик дважды коротко завибрировал: команда остановки.

Арина назвала дату, город, улицу. Собственные опоры. Синюю пуговицу. Вечернюю встречу. Потом закрыла глаза и сосчитала четыре вдоха, пока чужая осторожность у ворот не стала просто её настороженностью перед незнакомым человеком.

Когда она снова посмотрела, мужчина уже запирает калитку.

— Имя владельца можно получить из открытого реестра, — сказал Матвей.

— Не сейчас, — отрезала Оксана.

— Почему?

— Потому что семейный вызов закончен, а мы стоим у частного дома после незаявленного отклонения. Арина возвращается к машине.

На обратном пути Тамара требовала показать ей найденный дом. Лидия просила не сердиться: они правда думали, что дождевик поможет. Девочка молчала. У цветочной лавки она вынула его из рюкзака и протянула Арине.

— Вам холодно.

Арина только тогда заметила, что дрожит.

— Спасибо. Мне нельзя брать вещи во время процедуры.

— Она уже закончилась.

— Всё равно нельзя.

Девочка кивнула и надела прозрачный дождевик сама, хотя дождя не было.

В машине Оксана закрыла двери перед семьёй и включила внутренний контур связи.

— Отчёт формулируем как маршрутное расхождение, — сказала она. — Причина — изменение городской застройки и неполнота карты контекста. Дом на Сенной не упоминаем до архивной сверки.

— Это существенная точка, — возразила Арина.

— Именно поэтому не вписываем догадку владельца в семейный отчёт.

— Я не догадалась о владельце. Маршрут привёл к дому.

— К дому, который мог принадлежать родственникам Лады, знакомым, съёмщикам, кому угодно. Ты хочешь сообщить семье, что нашла неизвестную связь, прежде чем мы выясним какую?

Арина вспомнила, как час назад объясняла Тамаре разницу между надеждой и подтверждением.

— Нет.

— Тогда сначала схема и реестр.

Матвей сидел напротив, удерживая короб коленями. Машина тронулась.

— Я проверю открытые данные, — сказал он.

— После сдачи катализаторов, — ответила Оксана. — Все обращения к ранним картам теперь через Ревину.

— Почему теперь?

— Потому что с сегодняшнего утра действует юбилейный контур доступа.

Это означало, что любой запрос по первичной программе попадёт в отдельную выгрузку руководителю.

Арина посмотрела в окно. Современная Бережная распрямилась за стеклом: аптека, цветочная лавка, стеклянное управление. Город, которым она пользовалась каждый день, лежал поверх другого — не разрушенного и не затопленного, а просто отменённого новыми стенами. Лада знала его ногами. Дом хранил карты Орши-Пристани, но в её слепке оказался путь по Вельску.

— Фамилия Гребнев, — сказал Матвей.

Оксана повернулась к нему.

— Я просила не проверять.

— Я не проверял. Узнал наклейку на калитке. Отец хранил дома старый список группы. Семён Гребнев проектировал контекстные связки для первых слепков.

В машине стало слышно, как перекачивается вода в контейнере с камнем.

— Ты уверен? — спросила Арина.

— Нет. Поэтому и сказал фамилию, а не факт.

— Список сохранился?

Матвей посмотрел на Оксану, потом снова на Арину.

— У меня — нет.

Он ответил слишком точно.

Оксана сняла служебные перчатки и сложила их ладонь к ладони.

— До официальной сверки никто не связывается с владельцем. В отчёте — пространственное расхождение без вывода. Я сама передам его Инге Сергеевне.

— А семейный результат? — спросила Арина.

— Частично подтверждён: Лада бывала в квартале. Смеха нет, дождя нет, управления нет.

— Семья приехала за человеком, — сказала Арина. — Получит три отсутствия.

— И один честный маршрут.

Оксана произнесла это устало, но без раздражения. На несколько секунд она снова была не рукой процедуры, а женщиной, которой предстояло выйти к Ковалёвым и объяснить, почему чужая память не обязана утешать по заказу.

У Дома Матвей первым вынес контейнер. Арина догнала его у служебного входа.

— Сегодня в семь всё остаётся?

— Если короб не отзовут после отчёта.

— Ты знал Гребнева?

— Видел один раз. Мне было лет десять. Он пришёл к отцу и они ругались на кухне.

— О чём?

— Не помню.

Теперь эта фраза никого из них не устроила.

Матвей поставил короб на край тележки.

— Помню, что отец снял со стены часы. Они громко тикали, а Гребнев всё время сбивался. Потом отец сказал, что вещи не могут быть нейтральными, если их сначала дают детям.

Арина почувствовала, как холодеет левая ступня в сухом ботинке.

— Какие вещи?

— Не знаю. Возможно, катализаторы. Возможно, вообще другое дело.

— И список группы у тебя всё-таки есть.

Матвей провёл большим пальцем по синей пуговице.

— Не список. Отцовская записная книжка. Она дома.

— Почему ты сказал, что у тебя ничего нет?

— Потому что Оксана спросила про список.

— Удобный язык пока невиновен?

Он не понял, откуда эта фраза, но понял упрёк.

— В семь принесу книжку, — сказал он.

— И я расскажу, что произошло на аттестации.

Матвей перестал держаться за пуговицу.

— Значит, произошло что-то ещё.

— Да.

Из-за двери вышел охранник и попросил убрать тележку с прохода. Матвей повёз короб к реставрационному лифту. Перед тем как двери закрылись, он сказал:

— Тогда начнём не с чашки.

Арина осталась в коридоре. На планшете уже появился черновик выездного отчёта. В строке «конечная точка маршрута» Оксана поставила: не установлена.

Арина не стала исправлять. Пока это было правдой для системы.

В личной карточке дня она нарисовала три старых дома на Сенной и тёмную линию через квартал. Под рисунком написала: «Мои ноги знают Вельск. Ладины — город под ним».

Потом добавила фамилию: «Гребнев».

Имя разработчика оказалось первым адресом, который чужая память дала ей без запроса.

Глава 6. Инга Ревина

Когда Арина вернулась с Сенной, вызов от Ревиной уже лежал в рабочей карточке.

Не приглашение на разбор, не просьба зайти после восстановления, а короткая строка: кабинет руководителя, 15:20; форма одежды — после выезда; материалы не брать.

До назначенного времени оставалось восемнадцать минут. Оксана отвела катализаторы в приёмную и велела Арине сначала выпить воды. В восстановительной комнате пахло тёплой солью и выстиранными полотенцами. На стене медленно двигалась световая полоса: от холодного синего к вечернему жёлтому. Обычно Арина ждала, пока полоса трижды пересечёт угол, и только потом разрешала себе встать. Сегодня она досчитала до одного прохода.

Стакан дрожал в пальцах не сильнее, чем после любого маршрутного вызова. Это можно было записать как норму. Холод в левой ступне исчез. Красная лопатка не возвращалась. Имя владельца дома сохранялось собственным знанием, полученным от Матвея, а не Ладиным воспоминанием.

Она повторила это про себя дважды и поняла, что уже составляет отчёт для человека, которого ещё не увидела.

На третьем этаже было тише, чем в рабочих коридорах. Здесь не держали запаховых контуров и не возили тележки с предметами. У дверей висели только номера, будто любое слово могло стать незаявленным катализатором. Перед кабинетом Ревиной стояла Оксана. Она успела снять белую выездную куртку, но на запястье осталась синяя полоса от перчатки.

— Семью проводили? — спросила Арина.

— Тамара написала жалобу на неполный результат. Лидия написала благодарность за честность. Обе в одной семье, обе про один вызов.

— А ты что написала?

— То, что было. Маршрутное расхождение, современная застройка не соответствует телесной схеме, конечная точка не установлена.

Оксана произнесла последнюю фразу без нажима. Арина всё равно услышала между ними дом номер двенадцать.

— Про знак на калитке?

— В служебном приложении. Не в семейной выдаче.

— Про Гребнева?

— Как предположение сотрудника без документальной сверки.

Дверь открылась. Секретаря у Ревиной не было; она сама посмотрела сначала на Оксану, затем на Арину.

— Полевой куратор свободна. Белова, оставайтесь.

Оксана задержалась на полшага.

— Ей положено ещё двадцать минут восстановления.

— Разговор не является вызовом.

— Носитель после маршрута не обязан различать это по формуляру.

Ревина перевела взгляд на Арину.

— Вам нужны двадцать минут?

Правильный ответ зависел от того, кто спрашивал. Руководительница предлагала выбор; Оксана проверяла, сумеет ли Арина им воспользоваться. Арина посмотрела на часы в коридоре.

— Мне нужны семь. До половины четвёртого.

— Хорошо, — сказала Ревина и закрыла дверь.

Оксана выдохнула через нос.

— Семь — это не двадцать.

— Но не ноль.

— После разговора зайди ко мне. Даже если она скажет, что не нужно.

Арина вернулась в восстановительную и дождалась половины четвёртого. Световая полоса успела стать почти жёлтой. На этот раз она следила не за нею, а за секундной стрелкой собственных часов.

В кабинете Ревиной не было ни одной вещи из ранней программы. Ни памятных снимков Орши-Пристани, ни футляров с белым кругом, ни наград за сохранённые свидетельства. На длинном подоконнике росли три одинаковых растения с плотными листьями. Возле каждого стояла карточка с датой полива.

Ревина указала на стул перед столом.

— Как вы себя чувствуете?

— Рабочие показатели в норме. Был остаточный холод в левой стопе, прошёл за девять минут. Непроизвольных зрительных сцен после завершения нет.

— Я спросила не показатели.

— А где будет записан ответ?

Ревина чуть откинулась на спинку кресла.

— В протоколе этой встречи. Доступ — у меня, у вас и у медицинского куратора, если вы сообщите о симптоме.

— Тогда показатели в норме. А я злюсь.

— На кого?

— Пока это слишком широкий вопрос для протокола.

Ревина не улыбнулась, но подвинула к Арине экран так, чтобы обе видели открытую форму. В поле состояния появилось: сообщает о злости; адресат не определён.

— Оставим широким, — сказала она. — Расскажите маршрут своими словами.

— У вас есть отчёт Оксаны.

— Мне нужен ваш способ связывать точки.

Арина начала с камня из русла, с фотографии и отказа семьи от дождевика. Назвала ложное направление к стеклянному управлению, исчезнувший хозяйственный корпус, старую линию стены. Описала, как телесная уверенность провела её через современный квартал и закончилась у калитки дома на Сенной. О ключе, наклейке и фамилии Гребнева говорила без сокращений. Только отцовскую записную книжку Матвея не упомянула. Она не относилась к маршруту и ещё не была предъявлена.

Ревина ни разу не перебила. Когда Арина закончила, руководительница повернула экран к себе и закрыла форму.

— Вы считаете, что маршрут принадлежал Ладе Корнеевой?

— Да.

— Почему?

— Он начался из вызова ЛК-17, совпал с исчезнувшим проходом и привёл к разработчику её ранней укладки.

— Последнее пока не доказано.

— Тогда к человеку, который узнал карту, старый тайник и знак программы.

— Это доказывает связь дома с программой. Не обязательно связь маршрута с Корнеевой.

— Чьим ещё он мог быть?

— Вашим.

Слово легло между ними спокойно, как папка на стол.

Арина посмотрела на растения. На средней карточке дата была сегодняшняя, хотя земля казалась сухой.

— Я не знала этого дома.

- Сознательно — возможно.
- Мне было четыре года, когда началась первичная укладка.
- Четыре года — не отсутствие пространственной памяти.
- В моём деле нет адреса на Сенной.
- В вашем открытом деле нет.

Ревина встала и подошла к шкафу. Дверца открывалась не ключом, а ладонью. Из шкафа она достала тонкую серую папку без корешка и положила перед Ариной, не отпуская пальцев.

На обложке стояло: ЛК-17. Карта первичного контекста. Уровень допуска: руководитель программы.

- Откройте, — сказала Арина.
- Сейчас — нет.
- Тогда зачем показываете?
- Чтобы вы различали отсутствие сведений и отсутствие доступа.
- Удобное различие для того, кто держит папку.
- Иногда. Но сегодня оно защищает вас от поспешного вывода.

Ревина вернулась в кресло. Папка осталась под её ладонью.

— Ранние слепки плохо удерживали последовательность, — сказала она. — Отдельный запах давал обрывок, отдельное место — телесное напряжение без узнаваемой сцены. Семьи получали пять секунд чужого страха и называли это издевательством. Комиссии требовали проверяемости. Следователи требовали повторяемости. Мы добавляли связующий контекст.

— Добавляли что?

— Обычные действия. Путь от двери до места работы. Чашку на краю карты. Порядок предметов в комнате. Фоновую погоду, если она подтверждалась несколькими источниками. То, что позволяло фрагменту открываться не один раз случайно, а устойчиво при заданном наборе.

Арина вспомнила треск чашки в руках Матвея. Жёлтую клеёнку. Улитку за окном. Слова матери: «Просили знакомые вещи».

- Вы дописывали мёртвым быт.
- Нет. Мы не создавали событий.
- Вы помещали между событиями чужие дороги.
- Мы строили путь вызова. Это не одно и то же.
- Для моих ног — одно.

Ревина убрала руку с папки, но не придвинула её.

— Контекст брали из доступной среды носителя, потому что новая среда не удерживалась. Знакомые предметы и повторённые маршруты образовывали надёжную связьку.

- Из доступной среды ребёнка.
- Кандидата.
- Мне было четыре.
- Первичная подготовка началась позже.
- Насколько позже?
- Это есть в карте.
- Которую вы не открываете.
- Пока не открываю.

Арина положила ладони на колени. Если сжать пальцы, Ревина увидит. Если оставить раскрытыми, тоже увидит, что это сделано намеренно. Она сцепила их, не пряча усилия.

- Дом Гребнева был частью доступной среды?
- Не отвечу без архивной сверки.
- Вы уже сверили.
- Почему вы так решили?

— Папка лежала в верхнем шкафу, а не в хранилище. Вы вызвали меня через восемь минут после регистрации отчёта. И ни разу не спросили, кто такой Гребнев.

В коридоре проехала тележка. Колёса на стыках пола отбили четыре равных удара.

Ревина посмотрела не на дверь, а на Арину.

— Семён Гребнев входил в группу контекстной устойчивости. Этого достаточно для сегодняшнего разговора.

— Он живёт в доме, к которому меня привела Лада.

— Он живёт в доме своих родителей. Остальное требует различения: ваш детский маршрут, бытовой маршрут Корнеевой, служебный маршрут разработчиков или наложение нескольких связей. Если я назову одну версию раньше проверки, вы начнёте искать её в каждом следующем вызове.

— А если не назовёте, я буду искать все.

— Именно поэтому вы хороший методист.

Похвала прозвучала как заранее подготовленный мост. Арина не пошла по нему.

— Семья Ковалёвых получила неполный вызов из-за вашей связки.

— Возможно, она получила единственный достоверный маршрут, который сохранился.

— К человеку из вашей группы.

— И это может оказаться важнее ожидаемого смеха под дождём.

— Для кого?

— Для всех, кто до сих пор пытается установить, почему карты эвакуационных проходов Орши не совпали с реальной водой.

В голосе Ревинной впервые появилась не громкость, а шероховатость. Она разгладила край серой папки большим пальцем.

— Лада Корнеева оставила не воспоминание для утешения семьи, — продолжила она.

— Её пространственные фрагменты помогли восстановить три закрытых прохода и добиться повторной экспертизы береговых работ. Без устойчивого контекста их сочли бы посмертной спутанностью. Мы сохранили свидетельство, которое никто больше не мог дать.

— Вы сохранили его в людях, которые не могли согласиться.

— Согласие давали опекуны и комиссия.

— Я сказала «людях».

Ревина медленно кивнула, как будто приняла поправку в документ.

— Тогда у нас разные вопросы к одному прошлому. Ваш — имели ли мы право начать.

Мой — что теперь делать с тем, что уже существует и имеет общественную ценность.

— Есть ещё вопрос, сколько моего осталось рядом с этой ценностью.

— Есть.

Ревина открыла нижний ящик и достала вторую папку, синюю. Эта была новой, с напечатанным именем Арины и пустым местом для подписи.

— Я собиралась обсудить это после аттестации, — сказала она. — Сегодняшний маршрут изменил порядок.

На первой странице стояло: ведущий куратор пространственных свидетельств юбилейного цикла. Ниже перечислялись допуски: первичные карты контекста, история катализаторов, закрытые приложения к маршрутным вызовам, участие в комиссии расхождений.

Арина дочитала до строки о нагрузке. Семь полных вызовов в неделю до годовщины, два резервных окна, обязательное участие в заключительной публичной процедуре.

— Это не повышение, — сказала она. — Это обмен доступа на мою выносливость.

— Повышение тоже является обменом. Вы получаете должность, оплату и право влиять на решения, Дом получает работу, которую вы умеете делать.

— Полный юбилейный цикл уже поставили мне без должности.

— Поставили частоту. Не доступ.

— Значит, если я откажусь, вы всё равно будете вызывать Ладу семь раз в неделю, только не покажете мне, из чего её собрали.

— Частоту можно пересмотреть по медицинским показателям.

— А по моему решению?

— От отдельного вызова вы вправе отказаться.

— Где это написано в назначении?

Ревина перевернула страницу. В разделе обязанностей было сказано, что куратор соблюдает утверждённый календарь и обеспечивает полноту цикла. Право остановки не упоминалось.

— В общем регламенте носителей, — сказала она.

— Тогда впишите сюда.

— Общий регламент действует независимо от повторения в договоре.

— На аттестации вы остановили меня сами. На Сенной остановила Оксана. Если я стану ведущим куратором, все будут ждать решения от меня и одновременно выполнения календаря. Я хочу одну строку: могу остановить любой вызов без согласования и без утраты допуска к картам.

— Без медицинского основания?

— С моим основанием.

— Оно должно быть зафиксировано.

— После остановки. Не до неё.

Ревина сложила руки поверх синей папки.

— Вы хотите право прервать процедуру, от которой зависит целостность юбилейного цикла, и сохранить доступ к закрытым материалам этой процедуры.

— Вы хотите, чтобы носитель доказывал добровольность участия в цикле, из которого нельзя выйти без наказания.

— Потеря должности не наказание.

— Если должность — единственный путь узнать происхождение того, что находится во мне, потеря доступа и есть наказание.

Молчание длилось достаточно долго, чтобы Арина услышала лёгкое шипение климатической решётки. У растений на подоконнике не дрогнул ни один лист.

— Вы пришли к этому выводу сейчас? — спросила Ревина.

— Нет. Сейчас я поняла, как его написать.

— Предложите формулировку.

Арина придвинула к себе экран. Поле дополнений было защищено, и Ревина приложила палец к краю стола, открывая редактирование.

Арина напечатала: Ведущий куратор, являющийся носителем вызываемого слепка, вправе остановить процедуру на любом этапе личным устным заявлением. Остановка не требует предварительного подтверждения симптома и сама по себе не влечёт прекращения допуска к первичным картам. Причина фиксируется после восстановления в объёме, определяемом носителем совместно с полевым куратором.

Ревина прочитала.

— «В объёме, определяемом носителем» позволяет написать: «не хочу».

— Да.

— Это не причина.

— Для закрытой двери достаточно человека, который её закрыл. Пожар объясняют потом.

При слове «дверь» внутри на мгновение вспыхнул красный цвет. Не поверхность, не ручка — только густая полоса за веками. Арина не закрыла глаз. Ревина ждала ответа и не могла знать, что слово коснулось Лады.

— Вы смешиваете безопасность с желанием, — сказала руководительница.

— Потому что в вашем регламенте моё желание ещё не считается безопасностью.

Ревина убрала из текста последние девять слов о совместном определении объёма. Вместо них добавила: причина фиксируется носителем после завершения восстановления; отсутствие подробного обоснования не отменяет остановку.

— Так точнее, — сказала она.

Арина перечитала строку. В ней не было Оксаны, комиссии или врача. Только носитель и уже совершившаяся остановка.

— И доступ сохраняется до отдельного решения комиссии с письменным основанием, — сказала Арина. — Иначе остановку назовут нарушением, а допуск снимут по другой статье.

Ревина посмотрела на неё почти с любопытством.

— Вы заранее не доверяете комиссии, в которой будете состоять?

— Я заранее читаю документы, которые вы даёте подписать.

Фраза появилась в дополнении. Ревина поставила электронную подпись первой.

— Теперь вы.

Арина не торопилась. На столе лежали две папки: серая, содержащая дорогу к её детству, и синяя, превращавшая доступ к этой дороге в рабочую обязанность. Отказ не возвращал ей прошлое. Согласие не делало обмен честным. Но между ними была узкая разница: изнутри комиссии можно было увидеть первичные карты, историю чашки и дом Гребнева. Снаружи остались бы догадки Матвея и белые поля собственного дела.

Она подписала.

Ревина придвинула серую папку на ширину ладони.

— Доступ активируют завтра в девять. До этого карта остаётся закрытой, включая бумажный экземпляр. Первое заседание комиссии расхождений — в пятницу.

— А сегодня?

— Сегодня вы восстанавливаетесь после выезда и готовитесь к осмотру ТС-4.

Арина подняла глаза.

— Откуда вы знаете про осмотр чашки?

— Задержка предмета зарегистрирована на вашу карту.

— Я не называла чашку.

— ТС-4 указан в уведомлении.

Ответ был безупречен. Слишком безупречен, как Матвеево различие между списком и записной книжкой.

— А про дом Гребнева вы узнали из отчёта?

— Из служебного приложения Оксаны.

— Там было предположение без сверки.

— Я уже сказала: Гребнев входил в группу.

— Вы сказали ещё, что его дом мог быть моей детской дорогой. Для этого нужно знать не только Гребнева.

Ревина закрыла серую папку в шкафу.

— Для этого достаточно понимать устройство раннего контекста.

— Или видеть карту.

— Завтра увидите и вы.

На этом разговор был закончен. Ревина открыла протокол встречи и дала Арине подтвердить состояние: показатели в норме, сообщает о злости, симптомов глубокого смещения не выявлено. Внизу уже стояла новая должность.

У двери Арина остановилась.

— Инга Сергеевна, когда Оксана внесла адрес дома в приложение?

— В пятнадцать ноль семь.

— А вызов в ваш кабинет пришёл в четырнадцать пятьдесят четыре.

Ревина не посмотрела на экран и не попросила проверить время.

— Значит, меня уведомил маршрутный контур раньше приложения.

— Он передаёт отклонение, но не адрес частного дома.

— Завтра, Белова. После активации допуска.

Это было не обещание ответа. Это была граница, поставленная человеком, который привык решать, где заканчивается доступ.

Оксана ждала в своём кабинете с двумя кружками несладкого отвара. Арина села напротив и пересказала разговор от вопроса о самочувствии до подписи. О серой папке сказала. О времени уведомления тоже. Не сказала только о краткой красной полосе, возникшей на слове «дверь». Пока она не знала, была ли это сцена или ожидание сцены.

Оксана прочитала копию дополнения трижды.

— Она правда это подписала?

— Первой.

— Значит, ей очень нужно, чтобы ты прошла весь цикл.

— Или чтобы я считала его добровольным.

— Одно другому не мешает.

Арина обхватила кружку ладонями. Отвар пах яблочной кожурой. Никакого вызова не пришло.

— В пятницу я буду в комиссии расхождений.

— Поздравить?

— Запиши, что я приняла должность ради доступа к первичным картам.

— В медицинский журнал?

— В полевой. С сегодняшней датой. И что право остановки было условием моего согласия.

Оксана взяла планшет.

— Это может прочитать Ревина.

— Пусть. Я не хочу через месяц решить, что согласилась только ради повышения.

Оксана записала дословно и повернула экран. Арина поставила подпись.

До семи оставалось больше трёх часов. Она могла отменить встречу с Матвеем, сославшись на восстановление, или прийти в нейтральную мастерскую уже с новой должностью и закрытым пока доступом. Вторая возможность пугала сильнее: показать ему документ, рассказать про мокрую известь и услышать, что лежит в записной книжке его отца.

Арина выбрала её.

В карточке собственного дня она провела под утренней схемой ещё одну линию. Написала: «Я подписала полный цикл, чтобы увидеть карту. Остановку вписала до подписи».

Потом добавила время: «Ревина знала о доме до отчёта — 14:54».

Чужая память привела Арину к адресу. Собственная впервые оставила там не рисунок, а улику.

Глава 7. Белая карточка

Новая должность появилась в личном кабинете раньше, чем Арина успела допить отвар.

Под её именем теперь стояло: ведущий куратор пространственных свидетельств. Серебряный значок допуска был серым до девяти утра, но раздел кадровых оснований открылся сразу. Система предлагала подтвердить стаж, образование, ограничения нагрузки и ознакомление с собственным архивным делом.

Последний пункт Арина видела каждый год. Обычно рядом стояла дата первичного ознакомления — день совершеннолетия — и зелёная отметка, не требующая действия. Теперь вместо неё возникла белая карточка без даты.

Она нажала.

Экран ответил: часть материалов дела не отображается при изменении уровня доступа; требуется очная сверка с бумажным оригиналом.

— Оксана, где хранят бумажные дела носителей?

Полевой куратор подняла голову от планшета.

— В кадровом архиве. Но после маршрута ты туда не пойдёшь.

— Я уже восстановилась.

— Ты восстановилась достаточно, чтобы сидеть, пить отвар и не принимать решений, которые касаются всей твоей жизни.

— Решение я уже приняла у Ревинной.

— Поэтому второе сегодня не обязательно.

Арина повернула экран. Оксана прочитала сообщение и поставила кружку на стол.

— Белая карточка бывает при переносе старого дела, — сказала она. — Поле не распознали, подпись размыта, лист вклеен не туда.

— Или часть материалов закрыта.

— Или закрыта.

— Кадровый архив работает до шести?

— До половины шестого.

На часах было без десяти пять.

Оксана нахмурилась.

— В семь у тебя осмотр чашки. Между делом и ТС-4 должно быть восстановительное окно.

— Осмотр в нейтральной мастерской, без вызова.

— Так вы записали. Чашка уже дважды решила иначе.

— Если не успею восстановиться, остановлю процедуру. У меня это теперь написано.

Оксана посмотрела на копию дополнения, всё ещё открытую на своём планшете.

— Быстро учишься пользоваться дверью.

Красный цвет на миг вернулся, теперь слабее. Арина провела пальцем по краю кружки. Яблочная кожура. Белая столешница. Жёлтая полоса вечернего света. Ничего чужого.

— Запиши реакцию на слово «дверь», — сказала она. — Цветовой отклик без сцены и телесной глубины. Дважды за день.

Оксана перестала спорить. Внесла запись, затем сняла с крючка тёмную куртку.

— Я пойду с тобой.

— Это моё дело.

— Поэтому ждать буду в коридоре.

Кадровый архив находился в старом крыле Дома, где потолки были ниже, а окна открывались внутрь двойных рам. Здесь пахло бумагой, пылью и слабым средством от насекомых. Арина остановилась перед порогом, проверяя, не отзывается ли запах.

Он был только неприятным.

Архивистка за стеклянной перегородкой представилась Верой Павловной, хотя на табличке имя уже было написано. Она носила прозрачные накладки на пальцах и говорила так, будто каждое слово нужно вернуть в правильную папку.

— Электронная карточка сверки, удостоверение и основание доступа.

Арина приложила рабочий жетон.

Вера Павловна посмотрела на экран, потом на Арину поверх очков.

— Должность от сегодняшнего числа.

— От сегодняшнего.

— Допуск не активирован.

— К первичным картам. Здесь моё личное дело.

— В нём могут находиться материалы программы.

— Тогда покажите те, которые относятся ко мне как к сотруднику и носителю.

— Это одни и те же листы.

— Поэтому я и пришла.

Вера Павловна сняла наклейки, выровняла их рядом с клавиатурой и позвонила в отдел допуска. Говорила она негромко, но стекло не заглушало слов: новая должность, временно закрытый уровень, личное ознакомление, ранняя часть дела. На том конце задавали вопросы. Архивистка дважды повторила фамилию Арины, затем произнесла:

— Белая карточка, период до одиннадцати лет.

Арина стояла так близко к стеклу, что видела тонкую трещинку у нижнего крепления.

— Почему вы знаете период? — спросила она, когда звонок закончился.

— Он указан в коде карточки.

— На моём экране периода нет.

— У вас пользовательское сообщение. У меня архивное.

Снова отсутствие сведений оказалось всего лишь отсутствием доступа.

— Покажите код.

— После разрешения.

Оксана прислонилась к стене напротив, скрестив руки. Она обещала ждать и не вмешивалась, но её молчание было плотнее любого возражения.

На экране Веры Павловны вспыхнуло уведомление. Архивистка прочла, снова надела наклейки и поднялась.

— Ознакомление разрешено с листами открытого контура. Копирование запрещено до активации допуска. Выписки — от руки, без дословного воспроизведения технологических приложений.

— Кто разрешил?

— Отдел допуска.

— Фамилия.

— Внутреннее согласование не входит в выдачу.

— Инга Ревина?

Вера Павловна посмотрела на неё с терпением человека, которому предлагают нарушить порядок ради любопытства.

— Подождите в читальном месте.

Читальным местом назывался стол под лампой, отделённый от коридора невысокой решёткой. На нём лежали карандаш, три листа серой бумаги и часы без секундной стрелки. Телефон и планшет пришлось оставить в шкафчике. Оксана села снаружи решётки, на стул для сопровождающих.

— Если станет плохо, говоришь мне, а не бумаге, — сказала она.

— Бумага хотя бы не внесёт симптом раньше времени.

— Бумага уже внесла.

Вера Павловна принесла дело в двух частях. Верхняя папка была обычной синей, с кадровыми листами. Нижняя — белой, без фамилии на корешке. Их соединял красный шнур с двумя пломбами.

Архивистка проверила номера листов и положила рядом ведомость.

— Переворачиваете по одному. Не меняете порядок. На белых вкладках останавливаетесь и вызываете меня.

— Почему вкладки белые?

— Цвет раннего разграничения. Синие — личная биография, серые — медицинское наблюдение, белые — адаптационные материалы.

— В личном кабинете белая карточка ничего не объясняет.

— Карточки не объясняют. Они разделяют.

Эта фраза могла быть девизом всего Дома.

Первые листы были знакомы. Свидетельство о рождении, справка о переводе под опеку, школьные оценки с одиннадцати лет, решение о зачислении в Тихие Сады. Раньше Арина видела их в электронных копиях и принимала порядок за полноту.

Между свидетельством и первой школьной характеристикой лежала белая вкладка.

Она позвала Веру Павловну.

Архивистка сняла пломбу с нижней папки и раскрыла её на первом листе. Ведомость нумерации начиналась не с единицы, а с сорока трёх.

— Где первые сорок два? — спросила Арина.

— Это единая нумерация фонда. Предыдущие листы относятся к делу опекуна и делу учреждения.

— К какому учреждению?

— Указано далее.

Лист сорок три был почти пуст. Вверху стояла фамилия: Белова. Имя — Арина. Дата рождения совпадала. Ниже шёл перечень периодов личной памяти, пригодных для адаптационного наблюдения.

От рождения до четырёх лет — семейное описание, самостоятельное подтверждение невозможно.

От четырёх до семи — контекстный резерв, ограниченная выдача.

От семи до одиннадцати — адаптационная коррекция, замещающая карта.

После одиннадцати — собственная среда, наблюдение по общему протоколу.

Арина прочитала строки ещё раз. Слова не менялись.

— Что значит замещающая карта?

— Технологические определения закрыты до девяти утра, — ответила Вера Павловна.

— Но документ вы показываете.

— Открытый лист содержит закрытый термин. Я не уполномочена толковать.

— Тогда я сама истолкую. Моих воспоминаний до одиннадцати нет в открытом деле, потому что их не считали собственной средой.

— Я не могу подтвердить вывод.

— Можете подтвердить, что здесь написано.

— Здесь написаны периоды наблюдения.

Арина взяла карандаш. На сером листе вывела: «4–7 — контекстный резерв. 7–11 — адаптационная коррекция, замещающая карта». Пальцы нажимали так сильно, что грифель дважды прорвал бумагу.

Оксана поднялась за решёткой.

— Арина?

— Я здесь.

- Назови сегодняшнее утро.
- Синяя пуговица на куртке. Матвей сказал, что принесёт записную книжку. На Сенной три старых дома, второй тёмный. Девочка надела дождевик, хотя дождя не было.
- Последнее из вызова или после?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.